

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

25 Února 1933.

Volné Kozáctvo

Ročník VI.

123

25-го февраля 1933 г.

25-го лютого 1933 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 6-ой

РІК ВИДАННЯ 6-ий

Н. Гигон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. † Б. Кундрюцков: († B. Kundrjuckov).
2. † Б. Кундрюцков: * * * (Verše).
3. Константин Поляков: За родину! (Verše).
4. П. Поляков: Из сербской лирики. (Verše).
5. И. М. Назаров: Четыре могилы. (Čtyři mohyly).
6. † Б. Кундрюцков: Дону... (Verše).
7. Ив. Томаревский: Переключка. (Verše).
8. Ответ оттуда вождям казачьего единородимства. (Odpověď vůdcům kozáckého rusofilstva).
9. Трагедия Казачества. (Tragedie kozáctva).
10. Чужинец: Казачество в представлении российских историков и российских радикалов начала 60-х г. г. (Kozáctvo podle ruských historiků a radikálů 60-ch roků).
11. Т. Стариков: Утрата Доном своей самостоятельности в начале XVIII ст. (Ztráta Donem své samostatnosti v XVIII st.).
12. Ив. Скобелин: Без чести и совести. (Beze cti a svědomí).
13. Я. Лопух: В. А. Харламову. (Panu Charlamovu).
14. С. Чепурной: Ответ Харламовым. (Odpověď p. p. Charlamovým).
15. С. Савельев: На разные темы. (Na různé thema).
16. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
17. Протест против лжи ген. Богаевского. (Proti lži gen. Bohajevského).
18. Протест против большевистских зверств. (Proti bolševickým ukrutnostem).
19. Поздравление с праздником „Цаган“. (Gratulace ke kalmyckému svátku „Cahan“).
20. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
21. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

Скопье. — Я. К. — Журнал высылается исправно. Привет.

Варна. — Ст. П. — Получены. Привет.

Злин. — В. О. — Получено. Привет.

Тулуза. — Х. — Получено. Привет.

Бийанкур. — Е. Ч. — Получено. Привет.

Августов. — А. К. — Ответ будет письмом. Привет.

Лион. — А. Л. — Ответ — письмом. Привет.

Нью-Йорк. — Е. Б. — Получено. Привет.

София. — Ф. Б. — Ответ — письмом. Привет.

София. — А. К. — Получено. Можно напечатать, но только под собственным именем. Привет.

Казанлык. — Г. Б. — Ответ — письмом.

Франция. — К. М. — На жаль, своего календаря на 1933 рік не маємо. Вітаєм.

Омонт. — П. С. — Ваш совет исполнен. Привет.

Берлин. — Укр. Инст. — Числа 18 та 20 у вас є, на-коли є числа 17 та 19, бо ті числа подвійні.

Польша. — А. Горб... — Получено. Привет.

Югославия. — П. К. — Получено. Привет.

Харбин. — И. К. — Получено. Привет.

Галац. — А. Б. — Получено. Привет.

Банат. — Г. А. — Получено. Привет.

Редакция „В. К.“ с большой скорбью извещает всех вольных казаков о кончине своего ближайшего сотрудника, казака хут. Власово-Аютинского, ст. Новочеркасской,

Бориса Александровича Кундрюцкова,

последовавшей в Белграде 15 сего февраля.

Белградская Обще-казачья Студенческая Станица с великим прискорбием извещает о внезапной смерти своего коллеги — станичника

БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА КУНДРЮЦКОВА,

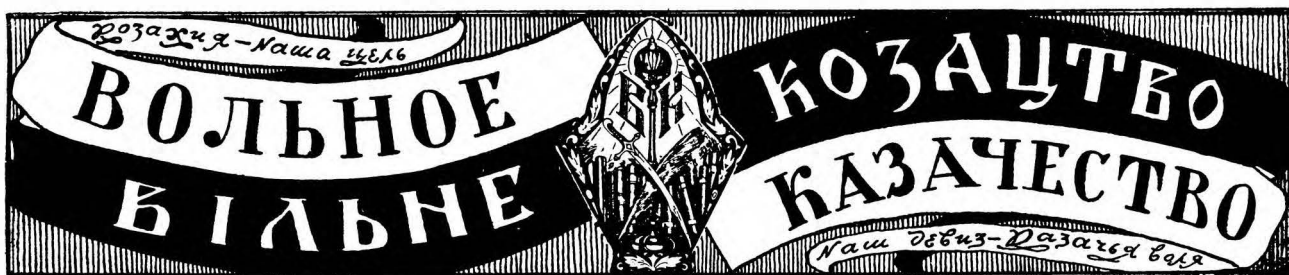
последовавшей 15 февр. вполдень в Державной больнице г. Белграда. Покойный — казак В. В. Д. станицы Новочеркасской хут. Власово-Аютинского.

Похороны состоялись 17 февраля с. г. на Белградском православном кладбище.

Спи спокойно, дорогой друг и брат, никогда не знавший отдыха в борьбе за идеалы вольного казачества. Да будет легка тебе братская земля. Царство Небесное, вечный покой.

Правление.

16.II.33. Белград.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchécoslovaquie.

№ 123

Суббота, 25 февраля, 1933 = Субота, 25 лютого, 1933.

№ 123

† Борис Кундрюцков.

15 сего февраля в Белградской больнице скончался казак поэт Борис Александрович Кундрюцков, постоянный и ближайший сотрудник „ВК“ (казак хут. Власова-Аютинского, станицы Новочеркасской).

Родился Борис Александрович в апреле 1903 года в гор. Николаеве, где отец его служил в 7 Донском казачьем полку младшим офицером. Учился Б. А. сначала в Петергофе, в приготовительной школе Александра II. По окончании этой школы, отец хотел определить Б. А. в Донской корпус, но здесь не оказалось вакансий и молодой кадет должен был вернуться во 2-й Петроградский корпус.

Когда пришла революция 1917 года, Б. А. был в третьем классе корпуса. „Идя с казаками стоявших в Петрограде полков на Казанскую площадь, вспоминает в своей автобиографии Б. А., я впервые увидел направленное на меня дуло винтовки. А залп, положивший десятки моих братьев-казачков научил меня еще и тому — кого видят в нас православные россияне“...

В декабрьскую ночь 1917 года Б. А. бежал на Дон, куда одновременно с Румынского фронта пробивался со своей сотней его отец. „Здесь, продолжает Б. А., при встрече со своим отцом, я познакомился с Гаморкным и иными казаками Кривянской и Кагальницкой станиц...“

Поступив в Донской корпус, Б. А. скоро убежал на фронт. 1920 год захватил Б. А. болезненным тифом и он был брошен в одном из госпиталей...

При следовании казаков 7 полка из Новороссийска на польский фронт, Б. А. пристал к этому полку и, перейдя на польскую сторону, пробрался в Перемышль, потом во Львов и далее в Галац, откуда попал в Крым. Через два месяца эвакуировался в Югославию.

Кончив корпус в составе 35 выпуска, с Ермаковским выпускным жетоном, Б. А. поступил в Загребский университет на агрономический факультет, вступив одновременно в Загребский казачий хутор, в котором был и на должности писаря...

Окончив семь семестров, сдав с десятков экзаменов, Б. А. перебирается в Белград, чтобы отдался литературе и политической работе, поскольку этому позволяла обстановка...

Писать Б. А. начал рано, уже со 2-го класса корпуса, но первое произведение его было напечатано только за границей в 1925 году (25 октября) в журнале „Казачий Путь“. Печатался вообще Б. А. кажется во всех казачьих журналах.

С выходом в свет „ВК“, он становится его постоянным, а в последнее время и весьма близким сотрудником. К большому нашему горю, смерть вырвала его из наших рядов в момент, когда его дарование начи-

† Б. А. Кундрюцков.

нало распускаться буйным цветом литературного творчества, пропитанного ярким казачьим национализмом...

Потеряли не только мы своего сотрудника, — потеряло все Казачество молодого (ему не было еще и 30 лет), но многообещавшего казачьего поэта.

Мир праху твоему, дорогой соратник!

(Редакция „ВК“ в ближайшее время устроит особое заседание, посвященное памяти покойного. Приглашения на это собрание будут разосланы особо).

И. Б.

Борис Кундюков. (†).

* * *

Нет, нет, я больше не хочу...
Пусть на пути встанут преграды —
Я перейду и прокричу:
— Тиранам нет, друзья, пощады...

Разбить должны оковы мы,
И расшвырять стальные звенья!
Друзья, уходим из тюрьмы —
Конец подходит пораженья...

Не бойтесь гнета, пуль и палок...
Уйдет, уйдет кошмарный сон...
Удел раба — нам чужд и жалок,
Бог услышал казачий стон...

Послал огонь... душа зажглася
Не потушить стихии жар...
Свободы весть всем пронеслася
И страшен будет наш удар...

Константин Поляков.

ЗА РОДИНУ!

Посвящаю брату моему — Серафиму.

Вставайте на смертный бой!
Берите судьбу свою в руки...
Народ наш подавлен тоской.
Он терпит жестокие муки.

Покрыли простор степовой
Убитых за Волю могилы...
Вставайте на смертный бой,
Отдайте Отечеству силы!

Враг зол и коварен, жесток:
Он льет кровь казачью, как воду.
Восстаньте, казачий Бог
Вернуть Вам поможет Свободу.

Победой над властью чужой,
Вы слезы утрите народа.
Все смелые, встаньте на бой!
Отчизна Вас ждет и Свобода.

Дни тяжелой неволи уйдут
И снимет Москва гарнизоны
С родных нам станиц. Их займут
Казачьих бойцов легионы.

Придут они в касках стальных,
Сверкая на солнце штыками.
В мундирах защитных, чужих,
Богатые правдой, друзьями.

И там, где ходил часовой
С звездой на защитной фуражке,
На страж станет рыцарь степной,
С казачьей эмблемой на каске.

Где шли в богатырках полки;
Где ржали московские кони,
Пройдут по степям казаки
За чуждым пришельцем в погоне.

Пришельцы на север уйдут.
И красные флаги с собою
Они в красный Кремль унесут...
И раны омочит казак студеной [водою].

А в улицах с наших домов
Трехцветные флаги зареют.
И ветер степовой бойцов
Бодрящим дыханьем обвеет.

И если набаты в те годы
Гудели в унывших степях,
Тогда возвестят нам Свободу
Ликующим звоном в церквях...

За это мы встали на бой,
Неся мир и счастье Отчизне.
За Волю, народ наш родной,
Жалеть мы не будем и жизни...

Павел Поляков. (Белград).

ИЗ СЕРБСКОЙ ЛИРИКИ.

Переводы из „3 мая“ Иове Ивановича.

Роясь как-то в старых книгах,
Я нашел в пыли и плесни
Никогда, никем на свете
Непрочитанную песню...

В этой песне — радость сердца,
Счастье дней, ушедших в лету,
В песне той — мое богатство,
В ней — любовь моя опета!

Отклик в ней селений горних,
Кличу радости без меры
С высоты моей великой
Молодой, горячей веры...

Да, но кто посмеет снова
Вспоминать о днях пройденных!
Нет, и я прочесть не смею
Строчек, раньше не прочтенных...

На столе свеча мигает,
Огонек дрожит и гнется,
Я отдам ему бумагу —
Пламень радостно взвосьется.

Хоть бумага и сгорела —
Пепел буквы сохраняет,
Непрочитанная песня
В пепле снова воскресает.

Я теперь ее читаю,
Повесть радости и были,
О былом читаю счастье
Все — на пепле, все на пыли...

Ох, так разве чувства наши
Навсегда не умирают! —
Да, мою любовь святую
Пепел вечно сохраняет...

А-ль настолько пепел верен
В чувстве вечном — беспримерном?..
Ой — вы, песни, мое горе,
Ой — ты, пепел, друг мой верный!

И. М. Назаров. (Югославия).

Четыре могилы.

На одном из колен Тихого Дона, выше станицы Константиновской, в трех верстах от берега знаменитой реки, стоял казачий хутор Титов. Это одно из старинных поселений, когда-то бывшее гнездом нескольких дворянских родов: Кудиновых, Ретивых, Намиковых. Теперь он раскинулся широко в стороны, ибо к старым казакам прилипли всякие „иногородние“: лавочки и шерстобиты.

На хуторе выросла маленькая церковь, появилось училище, открылось несколько лавок. Он стал похож на маленькую станицу, не без того, конечно, что несколько улиц там и теперь кривых и два переулочка едва проходимые.

На краю хутора, при самом выходе в займище, стоял большой курень урядника Никанора Ренскова, деревянный, крытый железом. Небольшие окна, с крепкими синими ставнями со двора, надежные двери, рундук у входа, крыльцо вокруг всего дома, под окнами. Широкий двор обнесен высоким забором; с одной стороны от выгона его закрывает большой вишневый сад, а с другой — базы, сенник, конюшни и амбары — стоят задом на ерик Титов.

При доме у Ренскова не малое хозяйство: пять лошадей, четыре пары быков, три дойных заводских коровы и полон двор всякой птицы. Есть и денег, говорят, тысяч сорок в банке. Словом, хозяйство первостатейное.

А вот и сам хозяин. Калитка перед рундуком настежь открылась и во двор вошел высокий, широкоплечий, полный мужчина. Загорелое лицо его, будто переполненное здоровьем, окаймлено русой округлой бородой, с русыми же чуть запущенными усами. Глаза небольшие, но острые, как у степного луня, ярко серые. Брови густые, чуть хмурые, и если сдвинет он их, да глянет исподлобья, что то екнет у вас под ложечкой и становится жутковато. Ему лет под пятьдесят, но он еще, как говорят, человек при силе. Одет в пиджак, строгие синего сукна штаны, высокие сапоги с каблучками и старая красная гвардейская „хвужажа“.

Чуть шатаясь на ходу, он вошел в дом и сел за стол в кухне.

Старуха! — позвал он жену не громко, степенно. — Зажигай огонь, будем вечерить.

Из другой комнаты, не спеша, вышла и стала накрывать на стол еще не старая женщина лет 45-ти, тоже высокая, полная, жена Ренскова, Анна Акимовна. Черты лица ее тонкие, будто точеные, и черные глаза, как ночь, и коса черная, и чуть коричневый цвет кожи выдают ее кавказское происхождение и, когда то яркую, южную красоту. Она и теперь еще красивая женщина, но годы набрасывают свою беспощадную тень на прекрасные лица женщин.

Выпили, што ль, Никанор Матвеевич? — спросила жена старика, шутейно, без злости.

Так точно! — ответил он улыбаясь. — Чиво грех таить: выпили, как полагается, потому что сход, дело общественное, ну, значит, и нельзя же без „вотки“.

Минуту оба молчали...

— Да как и не пить то, повысил голос старик, чуть сдвинув брови. — Как не пить по такому проклятому времени. Большевик подошел нам под самую глотку.

— Да надо поэтому пить? — спросила Анна Акимовна опять шутейно. Она поставила на стол глиняный горшок с борщом и стала разливать его большой деревянной ложкой.

— Нащет этого я не говорю, — сказал старик с улыбкой. — Дело известное: водкой не поможешь.

— А чем же? — будто серьезно спросила Анна Акимовна.

— Тут можно помочь только кровью, — бросил он резко, как отрезал.

— Да, значит, по твоему, спросила жена...

— По моему, продолжал старик твердо, отчетливо, будто чеканил каждое слово, надо попервому всех этих иногородних шаповалов, кабатчиков, шерстобитов и всю эту большевицкую рать напополам перевешать.

— А потом? — спросила жена чуть с удивлением. — А потом перевешать своих всех наших дураков и мерзавцев, которые пришили к большевизму.

— И все? — сказала жена.

— И все! — ответил муж твердо. — Тогда будет мир и будет целая наша казацкая воля.

— Так уж обязательно всех надо вешать? — возразила Анна Акимовна.

— Да, обязательно! — резал свое старик — иначе они сами нас перевешают. Помани мое слово.

— Руки коротки, сказала Анна Акимовна уверенно, чтобы казаков вешать.

— А что ж казаки! — возражал старик упорно. — Раз согласия настоящего нет, значит и толку не будет... А согласия нет кругом, это видно... Вот и фронтовики... мы думали помогут нам, а из них оказались чуть не все „товарищи“. — Не знаю, как наши служивые, — закончил старик угрюмо.

— Ну, наши, уверенно сказала мать, даст Бог не такие.

— Да вот увидим: не нынче-завтра придут, — сказал старик и закурил.

Настала пауза. Анна Акимовна стала переменять тарелки. В углу назойливо затурчал сверчок. Злобно бросился на кого то и залаял тревожным лаем цепной „кабель“ из под сарая. И вдруг под самым окном за спиной старика раздался выстрел, за ним другой...

— Господи, что это? — тревожно глядя на мужа, сказала Анна Акимовна.

— Может наши, а может и „они“, сказал старик, сурово сдвигая брови.

Не спеша, он повернул голову, глянул в закрытое ставней окно и в угол на винтовку, но с места не двинулся.

Через минуту в прихожей раздался топот ног, стук оружия, потом открылась дверь и в кухню вошли двое военных с винтовками через плечо, патронташи через грудь, при шашках, в полной походной форме. Это были два сына Ренскова, служивые, которых родители ждали со дня на день и которые только что прибыли.

Как по команде, служивые сняли папахи, стали на молитву и, перекрестившись на иконы, как по команде, сказали: „Здорово дневали, батенька и маменька“. Мать вся радостная, с зардевшимся лицом, бросилась к детям, стала целовать их, смахивая рукой крупные, бегущие по щекам слезы.

— Здравия желаем, сынки! сказал отец, подымаясь из-за стола, но не двигаясь с места. — Как встречать прикажете? — сказал он, еще не снимая с лица выжидательное выражение. — По казачьи или по новому?

— Кого другого, сказал старший сын громко, отчетливо, встречайте по новому, а нас по старому, по казачьи.

— Слава Богу! — сказал отец, крестясь на иконы, и лицо его стало радостным. — Я так и надеялся. Спасибо, сынки, за службу, сказал он, приветливо подойдя к ним и крепко целуя каждого в губы.

— Рады стараться! — отвечали сыновья отцу по военному.

— Ну раздевайтесь, снимайте оружие и садитесь вечерить, — сказал отец, садясь вновь за стол, в угол под иконы, по обычаю. — А мы вас с матерью давно ждали.

Сыновья сели с обеих сторон его. Мать на краю с левой стороны, где сидел младший. На столе задымился борщ, густо заправленный домашней сметаной. За ним был подан жареный гусь, весь зарумяненный, с начинкой. Появилась разная закуска и две бутылки чистой, как хрусталь, водки. Отец наливал ее, не жалея, в большие походные рюмки и подкладывал новое блюдо, подаваемое матерью, предлагал выпить по первой. Служивые не церемонились и с видимым аппетитом ели вкусные материнские блюда и пили водку...

При полном огне большой висючей над столом лампы, лица и фигуры присутствующих освещены ярко. Старший сын, Михаил, высокий и стройный, похож на

мать, „как черкес“ черный. У него яркие характерные горские глаза, резкие черты лица с чуть изогнутым носом, тонкие губы, тонкие в струну усы, строгий рот и тонкая черкесская улыбка, цвет лица с коричневым отливом. Ему 25 лет — в полном расцвете здоровья и энергии. На погонах три нашивки. Он старший урядник. Младший, Сергей, еще юноша — ему 21 год — и он только полгода, как „ушел из дому“. Он окончил гимназию, был студентом Политехникума в Новочеркасске, но, едва раздалась первая выстрелы в борьбе с большевизмом, бросил ученье и бежал на фронт, дрался в первых ученических отрядах и там выслужил младшего урядника. Два месяца тому назад был прикомандирован к 27-му полубольшевицкому полку, где служил брат, и вот теперь вместе с ним возвратился домой, т. е. полк был распушен.

По наружности это был точный портрет деда Матвея по отцовской линии. Темно русые слегка волнистые волосы, среднего роста, с тонкой, чисто наезднической фигурой. Лицо энергичное с красивым овалом. Лоб открытый и повелительный, рот с яркими губами. В его глазах будто внутренний огонь разгорается и тухнет. И это от него бьют из них лучистые огненные струйки...

— Ну, сынки, рассказывайте, как у вас, какие новости принесли с фронта, сказал отец, наливая „очередную“, и приветливо глядит на детей, не скрывая в голосе чуть заметной тревоги.

— У нас, батенька, сказал решительно старший, ничего нет хорошего, как и у вас, должно быть.

— А что же? — спросил отец тревожно.

— Да так, как и везде, — проклятое время. Он сделал паузу. Все молчали. — Полк наш, хотя бы для примера, — продолжал Михаил звучным грудным голосом, — был один из лучших по мирному времени, а теперь под Шахтами поделится на двое: одни ушли „к ним“ с Голубовым, а другие поехали в станицы. И нас таких то не дюже много.

— Так и у нас, сынок, — сказал старик грустно. — Одни твердо стоят за Дон — больше старики, а другие лезут врозь, как раки.

— А что в станицах на сходах? — спросил сын.

— На сборах тоже нет согласия, — сказал старик, туго надвигая брови. Одни, как я, за то, чтобы сразу браться за винтовки и отстаивать Дон до последнего, другие — не понимают: разговоры разговаривают. Третьи — просто сидят на печках, как куры на наси-сти, и ждут.

— Чего же ждать? — спросил вдруг младший сын, и глаза его, как у молодого волка, стали бросать искры. — Да вот ждут, — ответил отец, — пока их всех по одному не перережут.

— Так оно и будет, — сказал резко младший. Лицо его вспыхнуло, в нем светилась дерзкая чисто казачья неудержимая смелость.

Отец внимательно глянул на него острыми, чуть прищуренными глазами. — Вылитый дед Матвей: весь из огня и железа — думал он, невольно любясь сыном. — Молодец, сынок, одобрительно сказал он. — Так оно должно быть и будет.

— Да, батенька, — продолжал старший, — страшное настало время. Надо вставать нам всем до одного, подымать сполох и отстаивать казацкую волю.

— Кровь нужна! — сказал опять младший. Только кровь и огонь, иначе все погибнет.

— Ты, сынок, — сказал отец задумчиво, — будто читал мои мысли. Я только давеча говорил об этом матери.

— А вы как думаете, маменька? — спросил младший сын, глядя на мать задумчивыми, чуть грустными глазами.

— Я думаю, ответила мать и зарделось лицо ее, и задрожали длинные ресницы, — что борьба необходима. Такая борьба, какой на Дону никогда еще не было. И что в эту борьбу должны идти мы все: и вы, и старики, и женщины, и дети. Да дети то, ведь, и пошли уж. Сколько их, наших казачьих детей, легло под Ростовом и сколько сейчас погибает на позициях у Чернецова. Но нужно и нам, матерям, женам и сестрам, нужно многим из нас идти помогать вам, туда же во

рвы и на позиции, чтоб готовить вам пищу, смотреть за больными, перевязывать раненых. И, опустивши голову на руки, мать горько задумалась.

Настала минута тяжелого, грустного, как на помине, затишья. Чтобы поднять настроение, старик кашлянул, приободрился и глубоким грудным голосом, еще певучим и громким, завел одну из знаменитых старинных песен: „Не белая то заря занималась“. Дружно поддержали его сыновья, зазвенело на верхних нотах контральто матери в подголоске и, с каким то необычным высоким воодушевлением, будто наперекор „проклятому времени“, полилась заунывная казачья песня...

„Не красное солнышко выкаталось,
Обгорели у орла сизы крылышки его.
К нему карги и вороны солетались,
Над сизым то орлом насмеялись:
Что не быть тебе орлу ясным соколом,
Не летать тебе орлу по над небесью,
Не бывать тебе орлу мелких пташечек“.

Я редко на Дону слышал эту песню, но, если ее пели, я видел, как она захватывала души казаков с невероятной силой.

Кончилась песня. Выпили по одной и по другой молча.

— А знаешь, батенька — обратился к отцу младший сын, и костер в глубине глаз его стал разгораться, — наша молодежь на позициях часто пела эту песню, как гимн.

— Почему же? — возразил отец, чуть удивляясь. — Наш гимн „Всколыхнулся“.

— А вот почему, батенька, — продолжал сын, — нет в нашем официальном гимне той глубины и красоты чувства, которая бьет из этой песни. Не захватывает он души так, как эта.

— Это, положим, верно, — согласился отец.

— И знаешь, батенька, почему?

— Нет, не знаю, — твердо сказал старик, смотря выразительно в глаза сына.

— Это потому, — пояснил Сергей, воодушевляясь, — что наш официальный гимн не мог быть избавлен от условностей, и разбавлена поэтому в нем мощь старая и казачья правда. А „Белая заря“ говорит о воле орлов и, когда ее поют казаки, у них глаза невольно загораются орлиным блеском. Будто крылья орлиные вырастают у них и душа их действительно парит по поднебесью.

— Правда твоя, сынок, — сказал отец одобрительно. — Хотя если б вчера кто мне сказал, что я соглашусь с тобою и поставлю гимн ниже обыкновенной песни, я бы не поверил.

— Поверишь и другому, кое чему, батенька, — сказал Сергей с загадочной улыбкой, — о чем, может быть, никогда и не думал.

— Ну, говори! — сказал отец, чуть с дрожью в голосе, будто насторожившись как ястреб.

— Нет, батенька, — возразил Михаил, — сперва заводи другую, а потом будем разговаривать по душам, как полагается.

— Дак какую же? — спросил старик, выпивая залпом для голоса, не в очередь, рюмку водки.

— Сам знаешь, какую, — сказал Михаил уверенно.

И старик понял... С какой то особенной удалью и, будто раскрывая в душе издавна от всех затаенную тайну, старик начал чуть дрожащим в переливах голосом:

„Кто бы знал, да нам сказал
Про батюшку Тихий Дон...“

С тем же высоким воодушевлением сыновья подхватили мотив и песня стала раскрывать их души. Она говорила:

„Про того ли казачка,
Про шельму изменника.
Про того ли казачка,
Изменил ли он, сделал
Продверг государыне,
На часах ли он стоял,
На вышке высокой?
Ой, унес ли он, украл,
Украл знамя царское?“

— Видишь, батенька! — едва кончилась песня, сказал отцу младший сын. — Видишь с каким лицом ты поешь эту песню? Видишь, как ты преображаешься? Как горят глаза твои и вся душа трепещет в боевой тревоге, и будто огненный поток какой то захватывает тебя и нас, когда подходим мы, решительные и дерзкие, к этому самому „продвергу“ государыне. И на вышку всходит как он — шельма, изменщик — и своей дерзкой рукой крадет царское знамя. Не крадет казну, которую русский мужик по первам украл бы, чтобы с ней обойти всех московских девок, но крадет знамя царское, чтобы оно, это самое знамя, собирало орлов против него же.

— Против кого? — спросил старик каким то глухим будто не своим голосом, и глаза его, во внутренней глубине их, стали темные и грозные.

— Против царя, против него самого и против всей России, — рубил Сергей с железной твердостью в голосе. — Вот в чем, батенька, наша новая правда, о чем ты, я думаю, до сих пор и не слышал.

— Да не слыхал, сынок, — сказал отец, — и какая то смутная грусть, и какое то внутреннее недовольство будто всколыхнулось в нем и заходило взбудораженной волной.

— А нужно, чтоб слышал, — продолжал сын с гордой неудержимой смелостью в пылающем лице и в глазах, ставших суровыми, как перед боем. — Ибо эта самая правда, этот самый скрытый веками бунт не даром жил и не умирал в песне. Теперь пришло его время. И этот бунт нужно выбросить из душ в жизнь и в дело; нужно не только разбить большевиков и выбросить их из Войска, но нужно отделиться от России навсегда и создать свое родное, родимое государство. Вот наша правда, отец... И мы верим, что это и есть настоящая казачья правда, ибо воля наша степная старая не сможет улечься в тесной русской провинции под чужой властью, а требует земли свои, власть свою и свои старинные законы...

Он кончил. Будто в тревожном ожидании, все молчали. Пот выступил на лбу старика. Жилы на лице налились кровью и оно стало бурое и страшное, будто степная буря. В глазах огоньки, как в глазах тигра.

Он думал, что то грозное и тяжелое думал. Будто что то грузное подымал на себе... Туча шла по душе его. Черная туча неодолимых мыслей, и не знал никто, и не знал он сам, чем разразится эта черная туча. Так сидел он несколько минут, как истукан без движений. И вдруг, будто преображенное, лицо его озарилось светлым выражением и он воскликнул: Дело, сынок, говоришь! Теперь только вижу, что дело и что твоя правда. Перемолол я старый режим, весь перемолол, и теперь вижу, что нужен бунт... Красть царское знамя... Так ли ты говоришь, орел? — вскинул он глаза на сына. — И подымать бунт, чтобы полная воля была у нас и свое государство. Да, верно! Из-за этого можно и знамя украсть и с ним бороться до смерти.

— Я тоже так думаю, батенька, — продолжал Сергей вдохновенно, — и Михаил со мной согласен.

— Теперь и я с вами, — сказал старик твердо, как топором „вдарил“. — Но даю тебе слово, сынок, — добавил он улыбаясь, — я убил бы того, кто вчера еще мог бы мне сказать, что я соглашусь с тобой. Но, если нужно, нужно идти и в бунт, ибо нет казачьей жизни без воли.

Он налил цымлянское в большие хрустальные стаканы и все выпили до дна за „бунт“, в идее которого горела зоря старой казачьей, как степь широкой воли, и свобод нерушимых, и родимого государства.

А на дворе была ночь. Темная, хмурая январская с морозом и ветром. К югу, в займище, на музгах шумит камыш... А в степи тишина... Спит еще степь под белой пеленой пушистого снега и не снится, быть может, ей, раздольной и вольной, что серая саранча уже двинулась с севера и ползет, и вползает в ее богатые земли... Что стаи голодных волков врываюся в станицы... И пожары охватили хутора, и кровь сынов ее разливается, как вино, безудержными и пьяными русскими мужиками. Не снится ей это, быть может, а на яву они пришли уже, и это от них из под Морозовской вспыхивают зарницы. Это жерла их орудий проповедуют „мир“ и это от них ползет зловещий гул, будто волна разбивается о камни...

(Продолжение следует).

Борис Кундрюцков. (†)

Д О Н У...

Воспели Дон поэты и певцы
За ширь бескрайнюю, за голубые волны,
За то, что казаки, бесстрашные Донцы,
Отвагою воинственною полны...
За то, что земли Он поил своей водою,
Ростил сады и пашни казаков,
С отеческой любовью святою
В даль провожал идущий строй полков...
За все... за все, что сердцу было мило
И близко так... С чем было тяжело
Расстаться казаку... и не хватало силы
Уйти с реки, где детство протекло...
И многие с оружием погибали
У куреня в бою, чтоб степи отстоять...
И в смертный час уста не уставали
О Доне... о Тебе... с улыбкою шептать...
О, Дон! и я пою, в изгнании страдая,
О красоте Твоей и о Твоих сынах...
И знай — мой стих последний, замирая, —
Он будет о Тебе и о Твоих степях...

Ив. Томаревский. (Болгария).

ПЕРЕКЛИЧКА.

Голос с Дона раздается,
На Кубани речь звучит,
Терек бурный с гор несется,
Громыкает и стучит;
А на севере далеко
Волга Разина шумит
И Яик седой с востока
К делу общему спешит.
Все пять рек заговорили,
Зашумели о былом,
О свободе Казакии,
Вольном полюшке своем...
Эх, Казачество, сомкни-же
Свои вольные ряды,
Стремя к стремени поближе —
Коней к бою станови;
Лавой гибкой огневою
Из полей врага гони,
Чтоб не пахло в них Москвою,
Были-б в них лишь казаки.

Ответ оттуда

ВОЖДАМ КАЗАЧЬЕГО ЕДИНОНЕДЕЛИМЧЕСТВА.

Если собрать всю аргументацию против В.К. наших противников из казаков — одинаково: Богаевского, Науменко или Харламова — ее можно свести к весьма немногим основным „пунктам“, а именно:

1. По уверению лидеров казачьего единонеделничества вольно-казачье движение есть весьма недавняя „выдумка“ части казачьей эмиграции и элементы вольно-казачьей программы не имеют никаких корней ни в прошлом Казачества, ни в современном его политическом самосознании.

2. Вольно-казачье движение искусственно вызвано к жизни чужестранной „интригой“ и

3. Вольные казаки совершенно неправильно понимают решения Войсковых Кругов и Рады по основным вопросам государственной будущности Казачества, в том числе неправильно толкуют и казачьи Конституции.

Аргументация самих вождей казачьего единонеделничества в защиту их собственной „русской“ программы укладывается в еще меньшее число основных положений:

1. Они силятся доказать, что интересы Казачества совпадают с интересами России и

2. Они грозят (тоже „аргумент!“!) самостийникам расправой русского народа за сепаратизм.

— На страницах „В. К.“ мы не раз и в достаточной степени защищали уже свою программу, как не раз и не два отвечали своим противникам, раскрывая всю несостоятельность их аргументации и их „философии“. В данном случае мы не намерены повторять того, что уже сказано, но мы позволим себе, к сведению как вольных казаков, так и „русских казаков“, подчеркнуть еще раз то, что мы сообщали уже в прошлом номере „В. К.“ относительно настроений, желаний и стремлений казачьей массы там, под большевиками сущей.

Действительно: что казаки думают там, за что борются казаки там, за что преследуют оккупанты казаков там, за что выселяют русские большевики казаков целыми станицами с казачьей земли в землю „братскую“ русскую?

Согласно Ростовского „Молота“ от 22 декабря прошлого года, московская большевицкая власть ставит казакам в вину и соответственно той вине карает их расстрелами и высылками за:

1. Идеологию буржуазного национализма (не русского);

2. за местный национализм;

3. за кулацкую самостийность;

4. за идеологию буржуазного национализма и шовинистической самостийности.

Это из весьма раздраженной передовицы „Молота“ о причинах выселения станицы Полтавской мы узнаем, что там, в Казачьих Краях,

... „Сохранились еще кадры атамандины и сторонники кубанской Рады...“ Что

там есть скрытые „всяческие самостийники, идеологи кулацкого шовинизма — буржуазного национализма...“

Большевики, конечно, всего не скажут, но и того, что они сказали, совершенно достаточно для того, чтобы судить о том, что там делается, как настроены там казаки и чего они хотят. В самом деле: „местный национализм“, „буржуазный национализм и шовинистическая самостийность“ при наличии там „кадров атамандины и сторонников кубанской Рады“ — что все это значит и за что это говорит: за „программу“ Богаевского-Науменко-Харламова или за программу В. К.? Мы думаем, что даже таких выражений, как „кадры атамандины“, ни Богаевский, ни Науменко не посмеют отнести ни в свой адрес, ни в адрес своих убеждений, ибо для всякого ясно, что вопрос здесь стоит не о лицах, а тем более не о русской программе Атаманов, а как раз о противопоставлении казачьих прав всякой русской программе решения казачьего вопроса.

Вдумайся хорошо, читатель, в выражения тамошнего „Молота“, а потом припомни все то, что „ставят в вину“ вольным казакам их здешние противники — Богаевский, Науменко, Харламов и др. — и ты увидишь, что тамошние русские красные единонеделничцы, а здешние „русские казаки“ преследуют казаков там или вольных казаков здесь за один и тот же „грех“ — за казачью самостийность, за казачий национализм.

А теперь обратимся к аргументам наших противников.

Итак: тамошний „местный национализм“ и „шовинистическая самостийность“ не заграничного происхождения.

Кто из „русских казаков“ посмеет бросить туда упрек в том, что „местный национализм“ и „шовинистическая самостийность“ в казачьих станицах — результат чужеземной „интриги“?

Или они тоже, храня верность Раде, неправильно понимают ее решения?

Кто посмеет отрицать, что казачье самостийничество и сепаратизм не свойственны казачьему массовому самосознанию?

И еще: раз там „местный национализм“ и „шовинистическая самостийность“ явление массового характера, то значит, что там совсем не бояться несовпадения своих „местных“ интересов с интересами „общими“, как не останавливаются там и перед угрозой расправы русского народа за свой национализм и свою самостийность.

Пусть читатели судят теперь: кто же из нас — мы, вольные казаки, или „русские казаки“ — кто из нас прав, кто ближе к казачьей правде и чья программа отвечает действительным интересам Казачества и его политическому самосознанию.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ

КУЛАБУХОВ,

казак станицы Расшеватской, член
Кубанской Краевой и Законодатель-
ной Рады, член Делегации Кубанской
Рады в Париже, повешенный добро-
вольческими генералами 7 (20) нояб-
ря 1919 г. в Екатеринодаре за само-
стийность.

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть I.

(Годы 1917-18).

(Продолжение).

Революция 1905 года.

Все увеличивающееся видимое могущество России, с одной стороны, и непрерывно возрастающее национальное самосознание у покоренных Россией народов, с другой, рано или поздно, должны были привести к открытому столкновению между борющимися сторонами.

Военное столкновение России с Японией в 1904—1905 г. г. показало всему миру, что Россия не является таким могучим государством, как о ней думали перед тем. Сравнительно небольшая Япония разгромила, как известно, русские сухопутные и морские силы. Ослабление России на внешнем фронте борьбы привело к открытому выступлению против правительства революционно настроенных части рабочих и крестьян в 1905—1906 г. г. и к усилению национальных движений среди подвластных России народов. Не только значительное число казачьей интеллигенции приняло непосредственное активное участие в революционных событиях в 1905-1906

годах, но и целые казачьи воинские части открыто выступили на стороне революции.

Путем признания своего поражения Японией и территориальных уступок Россия прекратила внешнюю войну. Потом было подавлено как рабоче-крестьянское революционное движение, так и национальные движения 1905—1906 г. г. Все же эти события до основания зашатали огромным зданием России, с такими усилиями построенным в течении многих веков.

Революция 1917 года.

Последующие годы явились периодом усиленной подготовки к новым столкновениям сил, боровшихся внутри России. В толще самого Казачества наметился процесс более ясного разделения казаков на казаков-демократов, боровшихся против самодержавного строя, и казаков-панов, защищавших этот строй.

Наконец, царская Россия не выдержала тяжелых

испытаний, выпавших на ее долю в 1914—1917 г. г., и рухнула. Император, опиравшийся на многовековые самодержавные традиции русского государства, не смог найти себе поддержки ни в среде русских помещиков и капиталистов, ни в многомиллионной русской армии, ни, наконец, в 400 тысячах русских офицеров...

Так как общественная и политическая работа в царской России была придушена и всячески преследовалась, в передреволюционное время не было выработано жизненных программ для удовлетворения интересов большинства населения б. Империи — крестьянства и рабочих, не было также подготовленных, испытанных вождей у этих классов. А между тем, перед русским и иными народами России стало в 1917 г. много больших и сложных вопросов. Первым из них был вопрос о войне, начавшейся еще в 1914 году; другим — вопрос о политическом и национальном устройстве России; не менее важным был вопрос продовольствия армии, рабочих центров, городов и бесплодных районов; видное место занимал также вопрос крестьянский и рабочий; не менее важным был и вопрос о том, какое правительство, из кого составленное, должно править Россией при новых обстоятельствах... Все эти вопросы представляли бы огромные затруднения даже для государства однонационального... Их же приходилось разрешать в многонациональной России, где перед тем русский народ был паном, а иные национальности — людьми второго порядка. К тому же, все эти вопросы приходилось разрешать во время изнурительной внешней войны, приходилось разрешать их во время величайшей из революций, бывших когда-либо, ибо в 1917 году пришло в движение около 180 миллионов разноплеменного населения бывшей России.

Многие народы б. Р. И., борющиеся за свое освобождение, в начале революции тоже не имели продуманных и ясных, на жизненном опыте проверенных, программ национальной работы и государственного строительства. Многие национальные: украинские, белорусские, грузинские, татарские и т. п. партии образовывались уже потом путем выделения людей данной национальности из общерусских партий — соц.-револ., соц.-дем., к.-д., октябристов, монархистов и т. д.

Россия не только угнетала национальности, эксплуатируя физические и духовные силы народов и природные богатства их национальных территорий, но она, убивая у „окраинных“ народов возможность какой-бы то ни было национальной работы, сама развалившись, оставила эти народы без испытанных и подготовленных национальных вождей, которые могли бы в такие тяжелые времена взять в свои руки руководство освободительным движением и государственной жизнью этих народов...

Вследствие всех этих причин, с падением царского режима начался полный хаос в общественной и государственной жизни на всей территории бывшей России. Ни в центре государства, ни на местах не было твердой власти с ясной программой деятельности...

Возрождение казачьей государственности.

Все враги Казачества должны признать, что оно, разбросанное на обширной территории от Черного моря до Тихого океана, придавленное раньше духовно и материально, порядком ограбленное русским государством за последние 200 лет, особенно в отношении политическом, не только не расстрелялось в этом хаосе, а выявило ясное и здоровое понимание обстановки и путей общественного, национального и государственного строительства. Это оно показало, как на двух общеказачьих съездах в Петрограде, в апреле и в июне месяцах 1917 г., так и в сложной и ответственной работе по устройству своих Областей. Чтобы убедиться в этом, достаточно констатировать следующие факты:

1. К октябрю месяцу 1917 г. казаки Войска уже имели у себя восстановленное государственное устройство своих Областей на основании конституций, составленных и утвержденных своими представительными учреждениями (Круги, Рада), имели своих выборных атаманов-президентов и правительства и свои законо-

дательные органы — на Дону, на Тереке, на Урале и т. д. Круги, а на Кубани — Раду.

2. Имели уже и свое высшее государственное объединение — Юго-Восточный Союз, в который входили Войска: Донское, Кубанское, Терское и Астраханское, Горцы Кавказа и Вольные народы степей. Необходимо отметить, что и со стороны горцев Кавказа и со стороны казаков было выявлено взаимное понимание, желание дружеского, договорного сотрудничества между нарождающимися казачьими и горской республиками.

3. Возрождая на деле, при новых обстоятельствах, при наличии все продолжающейся войны и революции, свою государственную самостоятельность, казаки не забывали о других народах и настаивали (1917 год) на переустройстве всей России на федеративных началах путем добровольного соглашения между собою молодых национальных республик. Если при этом припомнить тот факт, что „Съезд Народов“, состоявшийся в Киеве 21—28 сентября 1917 года в составе представителей: украинцев, татар, грузин, латышей, литовцев, евреев, белоруссов, эстонцев, молдаван, казаков и бурят, тоже вынес постановление о необходимости переустройства России в федерацию, необходимо признать тот факт, что казаки в то время (как и позже) шли в ногу с другими народами.

4. Во время наступившего полного развала и распада российской армии, во время начавшейся организации национальных — украинских, польских, татарских, грузинских и т. д. — воинских частей, казаки воинские части, окруженные ненавистью русских солдат, продолжали сохранять дисциплину, воинский вид и полный внутренний порядок до последних дней пребывания своего на фронте...

Говоря обо всем этом, мы имеем в виду не настроения отдельных групп казаков, а стремления и работу казачьей массы, вылившей свои желания в постановления Кругов и Рад.

Казачество и русская революционная демократия.

Известно, что Украину, Дон, Урал, и т. д. — и свободу многих других народов уничтожило русское государство в XVII—XIX столетиях под управлением царей и императоров. Неоднократно можно было слышать и читать перед революцией 1917 г. утверждения, что против казачьей свободы, против свободы других народов боролась царская Россия, поддерживаемая дворянскими и вообще буржуазными кругами русской общественности, что так называемая русская демократия не пойдет против свободы казаков и иных народов. Такие же заявления слышали казаки публично на двух общеказачьих съездах в Петрограде в 1917 г. не только от представителей разных русских партий, но и от официальных представителей Временного Правительства (Керенского и других). Казаки, очевидно, сначала поверили этим заявлениям и, ценою своей крови, в июле месяце 1917 г. спасли Временное Правительство от более левых захватчиков власти — большевиков.

Необходимо ясно и открыто поставить вопрос об отношении русской революционной демократии к Казачеству, как и к другим народам, покоренным Россией. Выше мы уже говорили о русских историках, писателях, журналистах и пришли к печальным для русского народа выводам: русское культурное общество свою действительную культурность проявило в поддержке тех страшных насилий, которые передреволюционная Россия творила над различными народами, оказавшимися на пути ее империалистических стремлений.

После падения царизма к власти пришла русская демократия — Временное Правительство, его комиссары на местах, советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, солдатские комитеты в армии и т. д. Она, революционная демократия, явилась хозяином положения, как в государственной, так и в общественной жизни.

Что же она делала и какие были последствия ее работы?

Русская демократия, революционная и просто демократия, не сумела наладить, хотя-бы в Великокорисии,

сносное государственное управление, восстановить порядок, наладить продовольствие населения и армии, прекратить агитацию в тылу и в армии со стороны своих, более левых, товарищей — большевиков и левых соц.-рев. В то же время она весьма последовательно и деятельно вела борьбу не только с возрождающейся казачьей государственностью, но и с украинским, бело-русским и т. д. освободительным движением, широко используя то обстоятельство, что и Временное Правительство и его представители на местах были набраны из рядов русской демократии. Свое действительное отношение к казакам русская демократия выявила в такой пресупной деятельности, как натравливание против казачьих воинских частей разнузданной солдатской массы, как мобилизация Временным Правительством против Дона целых двух военных округов в сентябре 1917 года, как привоз на Кубань, стараниями городского головы города Екатеринодара, соц.-дем. Адамовича, запасного солдатского артиллерийского дивизиона с 24 пушками и 3½ тыс. солдат со специальной целью борьбы с Казачеством; как привоз на Кубань большевизской 39 дивизии...

Подобными фактами, характеризующими действительное отношение русской революционной демократии к казакам, можно заполнить целые страницы.

Особенно характерным для русской революционной демократии является следующее: вождь ее, Александр Керенский, в сентябре месяце 1917 г. мобилизовал против казаков два русских военных округа, натравлял на казаков русскую крестьян и солдат. массу, а в ноябре мес. того же года просил тех же казаков спасти Временное Правительство и русскую революционную демократию от другой, более левой, части русской же революционной демократии — большевиков, и послал казачью дивизию под командою ген. Краснова добывать Петроград у большевиков. То же самое делали и провинциальные русские революционные демократы. Для примера укажем на поведение комиссара Временного Правительства на Кубани и в Черноморской губернии, соц.-револ. Н. С. Долгополова. В сентябре месяце 1917 года, пользуясь своим высоким титулом комиссара Временного Правительства, он выступал на Кубанской Раде множество раз с речами, проваливая предложенный к обсуждению проект Конституции Кубани; он в глаза членам Рады бросал обвинения в „контр-революционности“, в непонимании „государственных вопросов“; он всячески порочил Раду, подрывал ее авторитет в глазах неказачьего населения, лишь бы не допустить обособления Кубани в самостоятельную государственную единицу. Речи его подхватывала русская пресса, и эти „обвинения“ против кубанских казаков и горцев разносила по всей России. Это делал соц.-революционер Долгополов именно в то время, когда другой соц.-рев. Керенский мобилизовал русские военные округа против Дона, когда делегация Временного Правительства выступала на Донском Кругу, бросая донским и всем казакам обвинения в „контр-революционности“, в „предательстве народных интересов“ и т. д. В ответ на это Донской Круг заявил, что „с Дону выдачи нет“, а Кубанская Рада явочным порядком приняла Конституцию Кубани.

После этого, в ноябре 1917 г., тот же, но уже не комиссар (его Правительство пало) Долгополов принужден был в буквальном смысле слова убежать от своих товарищей из Новороссийска в Екатеринодар под крылышко ненавистного для него „контр-революционного“ Кубанского Правительства и просить вооруженной помощи этого правительства против своих товарищей, захвативших власть в Новороссийске. Еще позже, 28 февраля 1918 г., Долгополов скрылся от своих товарищей в Кубанском отряде. А еще позже, уже в ноябре месяце 1919 г., этот же Долгополов выступал перед Кубанской Краевой Радой с обвинением против члена Рады А. И. Кулабухова и всей Кубанской Делегации, посланной Радой в Париж, и подготовлял расправу над покойным борцом за народоправство...

Не менее характерным является поведение и кубанского соц.-демократа Адамовича, которого русская революционная демократия избрала в 1917 г. городским головою города Екатеринодара, столицы Кубани.

Этот деятель летом 1917 года принял все меры для того, чтобы привезти из Закавказья в Екатеринодар вышеупомянутую запасную солдатскую батарею для борьбы с Кубанским Казачеством; этот деятель не один раз собирал городскую думу г. Екатеринодара в начале 1918 г. для протестов против деятельности Кубанского Правительства, организовавшего вооруженную защиту Кубани от наступающих большевиков. И, в конце концов, с.-д. Адамович тоже скрылся в Кубанском отряде во время отступления из Екатеринодара.

Следует упомянуть и о деятельности еще одного соц.-демократа — С. Г. Турутина. Этот человек прибыл на Кубань из Петрограда перед революцией и занялся адвокатурой. Во время революции он был председателем екатеринодарского общественного исполнительного комитета, а с апреля месяца того ж 1917 г. стал председателем Областного исполнительного комитета, избранного на первом Областном съезде представителей всего населения Кубани. С июля месяца этот человек был главным организатором и руководителем всей противоказачьей политики Областного Исполнительного Комитета после того, как 4 июля из его состава вышли все казаки, обьявив Кубанское Войсковое Правительство единой властью на Кубани. Много вреда Кубани принесла эта безудержная агитация.

Подобных Долгополовых, Адамовичей, Турутиных, Керенских было много среди революционной русской демократии, как в Великороссии, так и на землях Белоруссии, Украины, Казаков и т. д. Неспособные сами к творческой государственной работе, они всюду вносили разложение, ненависть, анархию, пока имели власть и силу в своих руках... Собрав на выборах в Учредительное Собрание более 20 миллионов голосов, они без боя, позорно отдали власть в Москве и Петрограде и во всей Великороссии своим левым товарищам-большевикам, а сами попрятались за спины других...

Как и в других вопросах, так и в казачьем, большевики фактически провели в жизнь то, что много лет перед революцией проповедывали и к чему призывали русские социалисты-революционеры и русские социал-демократы. Что русские большевики (большинство партии соц.-дем.), без особых затруднений прогнав Временное Правительство и его представителей на местах от кормила правления, не поделились потом властью с соц.-дем. и соц.-рев. (правыми, а левые с.-р. были сначала у власти всюду и при большевиках), это внутреннее дело русской революционной демократии.

Всякий объективный наблюдатель взаимоотношений Казачества с русской революционной демократией должен признать тот факт, что нападающей стороной была всегда эта демократия. Казаки только защищались. Она своей бессовестной, демагогической и систематической агитацией против Казачества летом 1917 года стремилась подорвать авторитет казачьих законодательных и исполнительных органов; она всячески натравливала солдатские части против казачьих и против Казачества вообще; русская революционная демократия всякими мерами и самыми низкими способами стремилась разлагать и дезорганизовать казачьи войсковые части, направлявшиеся в родные Края в конце 1917 и в начале 1918 года; уже после захвата власти большевиками в Великороссии, когда казаки вели открытую вооруженную борьбу с московскими войсками, русская революц. демократия использовала „Второй краевой съезд Кавказской армии“, бывший в Тифлисе с 10 по 25 декабря 1917 года, для специального натравливания этой многочисленной армии против молодых казачьих республик; этот съезд выпустил воззвание к солдатам армии, в котором, между прочим, говорилось следующее:

„Съезд признал за вами право на оружие при оставлении армии для защиты родины от контр-революционной буржуазии с ее приспешниками Калединым — Донским атаманом, Дутовым — Оренбургским и Филимоновым — Кубанским; для руководства продвижения товарищей солдат и для борьбы с контр-революцией на Северном Кавказе, на Кубани и в Закавказьи, избран съездом Краевой Совет и военно-революционный Комитет... и т. д.

И все это писалось и проводилось в жизнь именно в то время, когда Казачество, несмотря на решительное

противодействие Турутиных и им подобных, добилось на Кубани и на Дону соглашения с казацкой частью населения этих Областей, установив паритетные, казацко-инородные, органы законодательной и исполнительной власти в этих республиках...

Мы уже на исторических фактах показывали, к каким способам управления в предыдущие столетия русской истории привык русский народ: он привык бесприкословно подчиняться самой жестокой самодержавной власти. Он может взбунтоваться и даже убить своего правителя, как взбунтовалась собственная дворня первого сильного правителя Великороссии, Андрея Боголюбского, убила его в 1175 году в его любимом селе Боголюбском и разграбила его дворец. Почти тоже самое сделали русские люди со своим последним царем, Николаем II: они убили его и разграбили его дворцы. В далекую старину, в XII столетии, в малом масштабе произошло почти то, что на наших глазах происходило в XX столетии. После Андрея Боголюбского пришли новые самодержцы, появились они и после Николая II.

Современная нам русская демократия есть дитя своего народа. Она разговаривала от марта до октября 1917 г., пока из ее же рядов не выделилась группа людей, могущая управлять теми методами и приемами, которые в своей многовековой истории выработало русское государство, к которым вполне привык его народ и которые двести лет к другим народам применял. Это — с железным наконечником жезл и опричьина Ивана Грозного, это — жестокости Патриарха Никона, это — дубина и кулак, „слово и дело“ Петра I, это — III отделение Николая I, это — чрезвычайка русских большевиков... Это — физическое и моральное насилие, тюрьма, мучение и смерть, ссылки, переселения, массовые истребления покоренных, в разных видах принудительные государственные работы... Непрекословное, просто звериное подчинение...

Правление русской революционной демократии с марта по октябрь 1917 г. явилось только подготовительным периодом к вступлению к власти русских большевиков.

Одним из лозунгов, выдвинутых русской революционной демократией в 1917 г., был лозунг о мире без аннексий и контрибуций. Провозгласив этот лозунг на весь мир, русская демократия в своей практической, повседневной работе в национальном вопросе продолжала вести политику царской России: она прилагала все усилия, чтобы препятствовать национальностям России строить свою государственность даже на автономных началах. Какое бессовестное политическое торжище устроило Временное Правительство России при переговорах с украинской Центральной Радой по вопросу о размерах территории автономной Украины и о компетенции краевой власти! Известно, что русские соц.-революционеры еще перед революцией ввели в свою программу, требования федеративного устройства России; соц.-демократы в своей программе выставляли требование автономного устройства России. Но стоило только этим русским партиям в жизни, в практической деятельности, столкнуться с необходимостью проведения своих же программ в жизнь, как они немедленно выявили свою еднородную русскую душу, всячески борясь против предоставления автономных прав национальным областям. А ведь, летом 1917 г. ни один народ, кроме поляков и финнов, не заявлял о своем желании полного отделения от России. Больше того, Украинская Центральная Рада уже после падения временного русского правительства, делала попытки организации общероссийской федеративной власти путем сговора между правительствами новых государственных образований.

Бессильное в самом Петрограде заставить многочисленные воинские части послать пополнения на фронт, русское Временное Правительство осмеливалось все время угрожать посылкой войск против Украинской Центральной Рады (украинского Правительства) в Киеве, а против казаков так просто мобилизовало целых два военных округа. И если несколько позже больше-

вское русское правительство послало русские войска против Киева и против казаков, оно только осуществило то, что подготавливало Временное Правительство. То же самое делали русские люди при Андрее Боголюбском, при Петре I, при Екатерине II (разорение Киева в 1169 г., разорение Батурина 1709, разорение Дона в 1708-9 г., разорение Сичи Запорожской в 1775 г.) и т. д.

Предательская роль Временного Правительства и русской револ. демократии в отношении нерусских народов б. России заключается не только в систематической упорной борьбе с возрождающимися национальными государствами в период от марта по октябрь 1917., а, особенно, в том, что русская демократия — Временное Правительство, советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, солдатские комитеты и т. д. — всякими мерами и способами тормозила организацию национальных военных сил нерусских народов бывшей России.

После провала июньского наступления русских войск у Тарнополя, усилился процесс полного развала армии. Русские войска не только не были способны к наступательным операциям, но они не могли просто удерживать фронт против неприятельских войск...

Массовое дезертирство, полный развал тыла, все усиливавшаяся большевистская агитация не предвещали ничего доброго и указывали всем национальностям, в том числе и казакам, на необходимость организации своих войсковых частей для спасения своих Земель от всероссийского хаоса. Однако, Временное Правительство, русские солдатские комитеты и русское офицерство всеми мерами препятствовали организации национальных воинских частей.

На всем протяжении фронта от Балтийского моря до Черного шло „братание“ с неприятелем; миллионная распущенная масса людей с'едала миллионы пудов хлеба, вывезенного с Украины и Казахских Земель, и в тоже время в армии велась самая бессовестная агитация против возрождающейся Украины и Казахских государственных образований. Наибольшую вину за эти злодеяния несет русская революционная демократия. Эта она своей бездарной политикой не только привела к власти русских большевиков в Великороссии, но и облегчила им завоевание Киева, Новочеркасска, Екатеринодара, Владикавказа, Тифлиса, Оренбурга и т. д., ибо эта демократия совершенно сознательно не допускала и тормозила в свое время организацию национальных армий. Проповедуя мир без аннексий и контрибуций, она боролась против освобождения народов, завоеванных Россией во времена правления царей.

И в национальном вопросе русская демократия являлась только продолжательницей старой, многовековой политики России — душить подвластные России народы, завоевывать новые народы и в то же время проповедывать освобождение народов, находящихся под властью иных государств. Вот почему все те, кто в действительности ведут борьбу за национальное освобождение своих народов от русского владычества, не могут, не смеют поддаваться проповеди русских людей, что необходимо только заменить диктаторскую самодержавную большевистскую власть в России другой русской властью и все пойдет хорошо.

Да и кто в силах передать власть в России именно русской демократии? Ведь она уже имела эту власть в своих руках и с такой позорной легкостью и мало-душием передала ее в руки более левых своих товарищей; она уже имела в своих руках Всероссийское Учредительное Собрание и не сумела защитить его; она пробовала образовать на Волге фронт Учредительного Собрания, но не сумела удержать его против большевиков, хотя и опиралась на 40-ка тысячный корпус чехословацких легионеров. А в это время (лето и осень 1918 года) одно только Донское Войско, освободив свою землю от пришедших большевиков, удерживало большевистские московские войска на восьмисотверстном фронте...

Один казачий Дон мог выставить тогда далеко большие вооруженные силы, нежели русский демократический фронт на Волге... Если бы русский народ хотел поддерживать демократическое правление в России,

а не большевиков он мог сделать это на Волге и на Урале.

Донские казаки сумели воевать успешно в открытых степях, а русские демократы не смогли защитить таких природных рубежей, как Волга и Уральские горы.

Имеются ли серьезные основания для веры в то, что когда либо в будущем русский народ будет активно поддерживать демократическое устройство, которого никогда не было у него за всю восьмисотлетнюю русскую историю?

Есть ли хотя какие либо серьезные основания для надежды на то, что русская демократия, придя к власти в Москве, изменит свое действительное, а не словесное отношение к покоренным Россией народам? Уже в эмиграции мы видели, как несколько русских соц.-революционеров, вместе с социалистами других народов, находящихся в составе СССР, выработали платформу „Лиги Нового Востока“, предусматривающую возможность борьбы социалистов разных народов СССР за создание будущей действительной, а не бумажной Федерации народов и земель России.

И что же мы увидели после этого? Русская партия соц.-р. наказала своих товарищей-отщепенцев и выключила

из партии всех с.-р., которые имели „смелость“ на эмиграции давать обещания проводить в жизнь давнюю эсеровскую программу!

О русских соц.-дем. и говорить не приходится. Большинство их, большевики, прогнав своих мягкотелых товарищей от руля правления русским государством, вот уже 15 лет проводят в жизнь свою национальную политику, а их разглагольствующее меньшинство через издаваемый за границей (в Берлине) журнал „Социалистический Вестник“ и через II Рабочий Интернационал ведет пропаганду необходимости сбережения России в существующих границах.

Словом, прошлое русской револ. демократии и ее настоящее с безусловной очевидностью свидетельствуют о том, что народы, покоренные Россией, в своем национальном освободительном движении не только не могут рассчитывать на помощь русской демократии, а для достижения своих политических идеалов — полной государственной независимости и самостоятельности — принуждены будут словом и делом защищаться от великодержавных стремлений и той части русского народа, которая именуется русской демократией.

(Продолжение следует).

Чужинец.

Казачество в представлении российских историков и российских радикалов начала 60-х г. г.

(Идея вольного казачества в XIX веке).

После Крымской войны наблюдается снова известный подъем казакофильства среди великороссов, украинцев и поляков. На этот раз основой этого движения являются не столько исторические воспоминания о политической роли казачества, которые продолжают преобладать среди поляков, поклонников исторической Польши (в границах 1772 г.), сколько преклонение перед социальной ролью казачества, характерное и для великороссов и для украинцев-народников.

Казак — член общины, основанной на полном равенстве политическом и социальном, казак — защитник крестьянства, угнетенного панам и барам; казак — вольный промышленник и земледelec — вот предмет восторгов народничества, которое печалется о судьбах закрепощенного хлебороба, которое ищет вокруг примеров вольного труда, вольных тружеников, объединяющихся в вольные союзы.

Называя „народом“ одних лишь трудящихся физически, увлекаясь идеями организованного труда по западно-европейскому (социалистическому или анархическому) рецепту, народничество 60-70-х годов — и в великорусском, и в украинском прошлом — находит главным образом среди казачества примеры вольного объединения равных людей для совместного труда и промысла (ватаги, артели) и вольных общин земледельцев и рыболовов, объединенных в великую общину (войско).

Наиболее сильное увлечение социальной ролью казачества сказывается в великорусском народничестве. Оно знает и помнит республиканско-демократическое устройство казачьих Войск, довольно смутно представляет себе политическую особность, полунезависимое историческое прошлое Дона, Яика, Терека, Запорожья, но особенно ценит общинный строй казачьего землевладения, участие казачества в великих народных движениях XVII-XVIII в.в. на Руси.

Мы знаем уже взгляды Герцена и Огарева на казачество и их попытки использовать с революционными целями и борьбу казачества за религиозную свободу (право верить „по старому“) и за свободу политическую (республиканские и вольно-казачьи идеи). Герцен и Огарев были не одиноки. Поддержкою их пользовался ряд лиц, интересовавшихся казачеством и старообрядчеством. Мы знаем уже оригинальную фигуру Кельсиева.

Русский эмигрант, замешанный в свое время в дело Петрашевского, Вл. Энгельсон, во время Крымской войны хотел использовать против России казачество и старые народные традиции о Пугачеве. Энгельсон не только желал поражения николаевскому самодержавию, но и русскому народу; в ноябре 1854 г. услышавши, что „всех русских избили“ в Крыму, он пишет Герцену, что „он пляшет от радости“. Он пытается внушить французскому императору мысль о необходимости послать в Россию воздушные шары, чтобы кидать с них бомбы и прокламации. Не дожидаясь французского заказа на эти прокламации¹⁾, Энгельсон написал и отпечатал воззвание: „Послание старца Кондратия“ (2 вып.), приспособленное для старообрядцев, и другое, предназначенное для казачества и крестьянства, под названием: „Емельян Пугачев честному казачеству и всему русскому люду шлет низкий поклон.“

„Емельян Пугачев“ был в 2-х выпусках; первый вышел без указания места печати (появился в феврале 1854 года), второй с надписью: „апрель 1854. Вольная русская книгопечатня“. Прокламация эта была направлена (при помощи английского флота) в Балтийское море; мы знаем, что попала она и на Кубань, где распространялась среди Черноморских казаков.²⁾

Энгельсон воспользовался именем Пугачева, как последнего революционера из народной среды. Он, именем Пугачева, призывал народ помогать „чужеземным войскам“, выставляя их „посланными Богом помощниками“, чтобы низвергнуть царя и чиновников и созвать вольных людей. Энгельсон отмечал реакционную роль, которую играло служилое казачество и внутри, и вне России. „Нешто, — писал он, — вам, простолюдинам, был прок доселе оттого, что Русь, угнетаемая царем, была страшилищем, пугалом для других народов, была палачом для Польши, для Финляндии, для Горцев?..“

Лестно-ли вам, что..., заговорит ли народ во Франции, и там приверженцы... прежних, теперь уже изгнанных, королей народу тотчас говорят: „Цыц! вот мы казаков против вас позовем! Николай Павлович, силь-

¹⁾ Французы не послали аэростатов и не заказали Энгельсону прокламаций.

²⁾ См. Герцен, т. VIII. с. 8, 58, 61, т. XXII, с. 59 и 280; „Освобождение“, кн. I, Штуттгарт, 1903, с. 107; Сватиков „Россия и Дон“, с. 338-339.

нодержавный, нам друг и приятель; он их (казаков) как раз нам пришлет! Они вас по своему, по казацкому, проучат“...

Герцен напечатал все воззвания Энгельсона, но — впоследствии — не считал возможным перепечатать „Емельяна“ в сборнике „Десятилетие вольной русской типографии в Лондоне“ среди других первенцев свободного слова, им напечатанных в 50-х гг.

О казачестве говорили сотрудники герценовского издания „Голоса из России“, где печатались присылаемые из России записки, ходившие в списках по рукам. В статье „Россия в войне и мире“ (в IV-й кн. „Голосов из России“, с. 132) неизвестный автор писал: „Русский народ — мирный, он чужд духа завоеваний. Правда, один из его прежних элементов — казачество, действовал как будто в противоположном духе, но казачество было явлением пограничным, оно существовало лишь по окраинам Руси и в сущности довольствовалось отпором вражеских наших соседей“.

Другой автор, приславший в ту же книжку (кн. IV, с. 65) статью о „Современных задачах русской жизни“, считал сыгранной историческую роль казачества. „Врагами (петербургского) правительства, — писал он, — были крамольные бояре, разгульные казаки, невежественные поклонники старины. Но бояре не имели корня в народе, с казаками легко было справиться при учреждении постоянного войска“...

Горячим поклонником казачества в окружении Герцена был наборщик „Колокола“ Агапий Гончаренко. Мы скажем о нем далее, говоря об украинском казачестве 60-70-х гг. Быть может, наиболее правильный взгляд на казачество из числа сотрудников „Колокола“ был у Льва Мечникова,³⁾ напечатавшего в 1868 г. в „Колоколе“ ряд статей под названием „Противники государства в России“. Герцен с удовольствием согласился печатать его статьи, надеясь получить историю вольного казачества, но журнал печатался по французски, сперва 2 раза, а потом лишь раз в месяц, и вскоре прекратился. Вместе с ним прервалась и история казачества Мечникова, задуманная очень широко.

Под влиянием идей Щапова, Костомарова, отчасти Бакунина, Мечников видел в казачестве элемент органически враждебный государству (московско-петербургскому, в особенности). На всем протяжении истории русского государства Мечников находил борьбу между двумя противоположными элементами: началом народности и властью. „Все народное, — полагал он, — стремится идти к автономии каждой изолированной политической молекулы; власть стремится к унитаризму или централизму, единообразию, поглощению частных волей коллективным интересом... Народность это элемент истории любого народа, представляющий автономные тенденции в противоположность унитаристскому элементу власти“...

Мечников был не только областником-автономистом (несколько анархического образа мыслей). Он высоко ценил и прошлую историю и великое будущее казачества. Он утверждал,⁴⁾ что „будущая цивилизация мира зарыта в устьях Волги, Дона и Днепра, населенных полуварварскими ордами“.

Виднейшим противником московско-петербургского государства Мечников считал казачество. (cosaquerie, как он переводил вслед за Меримэ).

Ему посвятил он ряд глав. Характернейшими чертами казачьих учреждений Мечников считал: „1) принцип сепаратизма или автономии, часто доведенный до степени, вряд ли совместимой с какою либо из существующих форм государства; 2) равенство; 3) общее владение и пользование землею, промыслами и угольями“⁵⁾

Если бы Мечников подумал еще немного, то увидел бы, что „сепаратизм или автономия“ вольных казачьих „общин“ московской эпохи „не согласовались ни

с какою формою единого государства“ по той простой причине, что казачьи республики вовсе не входили в состав московского государства, существовали сепаратно от Москвы, так как были особыми государствами, вплоть до петровской эпохи, во всяком случае.

Конец 50-х — начало 60-х годов XIX-го века ознаменованы возрождением интереса к областному началу в русской жизни, возрождением интереса к казачеству, вообще, к истории вольного казачества в частности. Сильнейшее влияние в этом смысле на университетскую молодежь и на интеллигенцию оказали профессора университетов: киевского — Платон Васильевич Павлов, казанского — Афанасий Прокопович Щапов и — петербургского — Николай Иванович Костомаров.

Павлов напоминал своим слушателям о федерализме древней Руси и проповедывал необходимость переустройства России на федеративных началах. Он с сочувствием поминал в лекциях казачью державу гетманов. Он же был инициатором устройства студентами воскресных школ для народа. Его заставили уйти из Киева, он устроился преподавателем Училища Правоведения в Петербурге. Третье отделение Собств. Его Велич. Канцелярии отметило в отчете за 1860-й г.:

„Павлов, в бытность профессором Киевского университета, имел на тамошних студентов вредное влияние, сообщая по русской истории о конституционных учреждениях в древней России и о всегдашнем будто бы стремлении русского народа к представительному порядку“. III отделение добавляло: „Павлов удален от должности преподавателя и причислен к министерству народного просвещения“. В марте 1862 года он был сослан в Ветлугу за речь о тысячелетии России, произнесенную на вечере в пользу Литературного Фонда. В этой речи он отзывался, между прочим, сочувственно и об Украине Хмельницкого и о движении Разина. Драгоманов полагал, что областничество и казакофильские взгляды были внушены Герцену и Огареву именно проф. Павловым, который ездил в Лондон и в интимном кругу Герцена читал лекции о прошлом русского народа.⁶⁾

Еще более видную роль в развитии народнического областничества и казакофильства 1860-х гг., сыграл Щапов. Свою вступительную лекцию в Казанском университете, по кафедре русской истории, он начал словами: „Скажу наперед — не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности я вступаю на университетскую кафедру русской истории“.⁷⁾

Он привлекал внимание слушателей к „областному элементу, ... быть может, жидительному, плодотворному элементу нашей будущей цивилизации“... „Нет в Европе народа который бы отличался таким провинциальным этнографическим разнообразием, как народы, обитающие в разных русских областях“. И Щапов спрашивал: „Много ли общего между малороссийским, белорусским и сибирским народонаселениями?“...

Вполне понятно значение этой теории не только для областников-автономистов — сибирских, донских, волжских, яицких и т. д., но и для развития идей вольно-казачьих.

Щапов знал довольно много о казачьих „общинах“, особенно об яицкой; он представлял себе „военно-демократические стремления казачества“ эпохи Смуты, но вряд ли он представлял себе с полной ясностью вопрос о политическом бытии казачьих республик Дона, Яика, Терека. Он отметил значение раскола, как элемента „противогосударственного“, наравне с казачеством.

„Бунт Стеньки Разина, бунт Булавина и других мятежников, — писал Щапов в исследовании о расколе,⁸⁾

³⁾ Арх. III Отд., неопубл.

⁴⁾ „Письма Бакунина“, 1896, предис. Драгоманова, с. С.

⁵⁾ Щапов был уже профессором Казанской Духовной Академии.

⁶⁾ „Русский раскол старообрядчества“, соч. Щапова, 1906, т. I, с. 413-414.

³⁾ Брат знаменитого Мечникова и сам крупный ученый Л. И. Мечников большую часть жизни провел в изгнании, за границу, где он издал замечательную книгу о значении рек, как проводников цивилизации.

⁴⁾ „Kolokol“, Genève, 1868, № 8, p. 109.

⁵⁾ „Kolokol“, 1868, № 9.

— тысячи буйных казаков и всякой вольницы, разбойничавших вместе с ними на Дону и Волге, это было буйное проявление всех старых анархических, противогосударственных элементов, к концу XVII в. все более и более вытеснявшихся из середины России, скопившихся на Украине... „Всякого рода люди, одержимые противогосударственным духом бежали к... взбунтовавшимся донским казакам“ (при Разине). „И вот среди этой толпы противогосударственных людей раскол нашел подкрепление, и они, под его знаменем, ратовали против государства. Все бунты донских казаков в конце XVII в., по мнению Щапова, были вместе и бунтами раскольников и шли возмущать соловецких монахов против Правительства“. Щапов цитировал описание, как „прибегоша“ в Соловецкую обитель „донского казака и атамана Разина с помощники воры из Астрахани“, в монастыре „волю всю отяжа и поставили себе начальником Фадейка Кожевника да Ивашка Сарафанова, и начаша быти во всем противны, не только св. церкви хулами, но и благочестивого царя не восхотеша себе в Государи имети. Ти-же отступницы донские казаки... про Великого Государя говорили такие слова, что не только написать, но и помыслить страшно“. По описанию Щапова дело шло в эпоху Разина не только об отпадении Дона, но и о пропаганде республиканских и сепаратистских идей в России и о попытке поддержать отпадение от Москвы северного поморского края, зависевшего от Соловков.

Щапов не стеснялся в выражении своих симпатий: „так изумительно-живуча, могуча, энергична была старая народная Россия, когда богатырски, героически умирала в Москве с Стенькой Разиным, когда была вешана, резана, изрубляема, сжигаема, распинаема... и все таки осталась живою в расколе“...

Щапов связал с расколом, и только с расколом, и Булавинское выступление. Он подробно рассказывал, как „казачий атаман Некрасов, с товарищами своими — Гаврилом Чернецким, Иваном Драным, Козьмою и Самвелем Воринковыми и с казаками ушел с Дона на Кубань, отдавшись в подданство крымское, в 1708 г. К нему туда толпами побежали гонимые в России раскольники, ... побежали казаки с Дона, из Голубинской, Чирской и других станиц. Там все эти беглые раскольники поселились целыми слободами между станиц казачьих“... Связь между казачьей эмиграцией и российскими раскольниками не прерывалась, и Щапов рассказывал о рукописном маршруте XIX-го в. с Волги и Яика через Москву, Черниговскую губернию, Днестр, в Молдавию, в поселения некрассовцев.¹⁰⁾

Впрочем, республиканский энтузиазм донского казачества 1670-1680-х гг. был также известен Щапову. Он первый отметил, что „донское казачество возводило даже свои казачьи рады, круги до религиозной санкции в образе религиозных рад или радений и святых кругов в честь своего вождя-освободителя от князей, бояр, воевод и приказных людей донские казаки воспевали песнь:

„А у нас на Дону
Сам Спаситель во дому,
Ходит с нами
Во святом он во кругу“...

„Взбранный воевода, наш сударь батюшка!
Плывет по Сладим-реке да царский корабль,
Вокруг царского корабля легки лодочки,
Во лодочках верны царски детушки,
Пловцы, бельцы, стрельцы, донские казаки“.¹¹⁾

Для автора этих строк большой вопрос, обожествляли ли донские республиканцы Разина во образе „Спасителя“, но — быть может — Щапов прав, подчеркивая религиозно иступленный республиканизм донского казачества (партии независимости, во всяком случае).

Вообще Разину весьма повезло в эту эпоху. Одна за другой появляются о нем статьи, тотчас переиздаваемые книгами. В „Русской Беседе“ 1857 г. появляется „История возмущения Стеньки Разина“ А. Попова; отдельное издание ее выходит в Москве, в 1857 же году.

¹⁰⁾ Щапов, т. I, 471, 476, 491, 563.

¹¹⁾ Щапов, т. I, с. 466-467.

¹²⁾ В „Отечественных Записках“ 1857 г. № 7 печатаются „Материалы для истории возмущения Ст. Разина“. Под тем же названием А. Попов печатает книгу, в издании „Русской Беседы“, Москва, 1857, 268 стр. Книга эта дает впервые касающиеся Разина „столбцы“ приказов (Казанского, Московского стола, Приказного стола), сказания (об Астрахани и Желтоводском Макариевском монастыре) и др. В „Отеч. Записках“ (1858 г. № 11 и 12) печатает Костомаров свое замечательное сочинение „Бунт Стеньки Разина“, написанное с большою живостью и сразу возродившее интерес к Разину и Казачеству в российской интеллигенции. В 1859 г. „Бунт“ появляется в Москве отдельной книгой, которая затем переиздается и отдельно и в собраниях сочинений.¹³⁾

Костомаров посвятил ряд книг истории украинского (он писал „южно-русского“) казачества и его гетманам (3 тома о Богдане Хмельницком, очерки о Мазепе, Ив. Свирговском, Выговском и т. д.). Костомаров противополагал (в „Бунте Ст. Разина“) два исторических начала: удельно-вечевой уклад и единодержавие. После победы единодержавия при Иоанне Грозном „старое удельно-вечевое начало Руси облеклось в новый образ — то было казачество“. Его борцом явился Разин. По мнению Костомарова, „до эпохи самозванцев, казачество, повидимому, готовилось образовать отдельное общество“¹⁴⁾ в русских южных краях и хотело только укрыться с своею независимостью от северного единодержавия, но вмешавшись в дела Московии в начале XVII в. оно вошло в неразрывную связь с нею и уже не ограничивалось тем, чтоб засесть с своими начальниками в южных степях, а стремилось распространить эти начала по всей Русской Земле...

„Вольный тихий Дон был центром Казачества“. По мнению Костомарова, Дон, „долго независимый, в царствование Михаила Федоровича признал власть московского царя“. В 1634 г., будто-бы, казаки присягнули на верность.¹⁵⁾ Но „обещание сохранялось плохо“, на Дону постоянно было две партии: „верные хотевшие согласовать свою вольность с повиновением московской верховной власти и воровские (? Чуж.), которые хотели действовать свободно и считать Дон независимым и самоуправным“...

Костомаров думал, что „в половине XVII в. казачество охватывало более, чем пол Руси... в казачестве воскресали старые полу-угасшие стихии вечевой вольницы“. Оно было „не новым началом жизни, а старым“, оно было „бессильно и бессмысленно, чтобы проложить русскому народу новый путь“... Удельно-вечевая вольница „не могла произвести ничего, кроме эпохи Разина, кровавой, громкой, блестящей, приведшей в ужас и ожидание... всю Европу, и бесплодной, как метеор“...

Несмотря на такое пессимистическое введение Костомаров очень живо и сильно описал разинское движение. Это было первое по времени описание разинщины, изложенное с относительной свободой.¹⁶⁾ Для нас интересно отметить, как Костомаров объяснял нежелание т. наз. „старого, домовного“ казачества поддерживать Разина после поражения того под Симбирском: „участие донцов в поджоге мятежа в Московии, при новой неудаче, могло повлечь ожесточение против казачества со стороны русского правительства и побудить его к решительным мерам. Донцы вспомнили, что хотя они и русские, но издавна признавали себя особым народом от великорусских крестьян“. Воззвания Разина в казаках „возбуждали не только холодность, но и вражду“. Костомаров подчеркивает, что вражда к Разину на Дону оказалась такой сильной, что Дон попросил о присылке царских войск — это „было противно постоянному желанию донцов сохранить свою

¹³⁾ Напр. Костомаров в „Ист. монографии“, т. II, 1863 г.; „Русская история в жизнеописаниях“, т. II и др.

¹⁴⁾ Костомаров не мог провести через цензуру слово „государство“.

¹⁵⁾ Сватиков доказал ошибку Костомарова. Казаки не присягали в 1634 г. „Россия и Дон“, с. 63—64.

¹⁶⁾ Заметим, что его пропустил к печатанию один из либеральнейших тогдашних цензоров — фон-Крузе, вскоре пострадавший за свою снисходительность.

льготность и независимость". Таким образом, выходит, что Дон не поддержал Разина потому, что Разин вел политику интервенции в дела русского народа, вредную для интересов донского народа — казаков.

Любопытно, что скептически относясь к юго-восточному казачеству, Костомаров гораздо благоприятнее оценивал государственные способности украинского казачества. В том же 1859 г. Костомаров вступился за казачество, возражая историку С. М. Соловьеву, напечатанному в „Русск. Вестнике“ (№ 18) статью „Малороссийское казачество до Богдана Хмельницкого“.¹⁶⁾

Соловьев полагал (и позже он повторил это в своей „Истории“), что „как бы ни было неудовлетворительно состояние того общества, из которого вышел казак, все же оно было гораздо выше образовавшегося в степи казачьего общества“, которое по „хищничеству“ имело часто отрицательное значение в истории. Соловьев говорил о казачестве: „это не было выселение масс людей, разрознившихся с большинством в известных убеждениях религиозных или политических, или людей, ищущих большего простора, большего удобства при употреблении своего труда и капитала и потому способных положить прочные основания для гражданского общества. Казак искал в степи через бегство только личной свободы, ... он бежал для того, чтобы быть вольным казаком, а не мужиком, ибо с понятием труда соединялось понятие мужицества. Вольный казак, молодец, вовсе не хотел работать или хотел работать сколько возможно меньше, хотел жить на чужой счет, на счет чужого труда“.

Малороссийские казаки ссорили Польшу с Россией, Крымом и Турцией, а „восточные казаки показали ясно характер своих отношений к Московскому государству в смутное время“, и позже были опасны, так как им сочувствовало „нижнее земледельческое население“.

Костомаров ответил Соловьеву, что казак уходил в степь не ради разбоя, но во имя „веры и народности“. Его не пугало сочувствие крестьян на Руси восточному казачеству, а малороссийское казачество он отождествлял с украинским народом, ищущим религиозной, политической и социальной свободы.

„Могло-ли казачество образоваться из себя государственное тело? — спрашивал Костомаров и отвечал: „Не могло при таком стечении обстоятельств, какие сопровождали его историю; но способно-ли оно было при других, или даже при тех-же с иным поворотом?..“ Костомаров ссылается на мнение человека, который „лучше знал казаков, чем г. Соловьев“, на Стефана Батория, сказавшего: „из этих льотриков казаков может быть современем независимая Речь Посполитая“ (республика). Костомарову пришлось отвечать и польским публицистам. „Казачество — писал он, — было действительно средоточием народной мысли и жизненных потребностей, когда задачей народа было освобождение от Польши, но то же казачество начинает расходиться с народными желаниями, когда под начальством шляхты оно стало устраивать себя на польский образец“.¹⁷⁾

Если сравнить Костомарова — кирилло-мефодиевского братчика и Костомарова — российского историка конца 50-х, 60-х и 70 годов, то мы увидим, что прежняя идеализация казачества сменилась спокойным отношением к казачеству и критическим к гетманщине — казачьей державе. Но, считая бывшее казачество явлением, обреченным на исчезновение, Костомаров показывал своим читателям и слушателям, какую громадную роль сыграло казачество в жизни Южной и Северной Руси. Об исторических заслугах казачества и отдельных его вождей Костомаров говорил с такою силой и волнением, что — иногда против своей воли — увлекал молодежь, заставляя ее заинтересоваться казачеством, а иногда и идеализировать его.

Противникам народной свободы, наоборот, воспоминания о „вольном казачестве“ начинали казаться подозрительными. Если либеральный цензор в Петербурге

— Н. Ф. Крузе пропускал книги о казачестве, печатавшиеся позже и в Москве, то в Москве, в 1860-м году, цензор стал вымарывать слово „вольный“ в выражении „вольный казак“. Однако, председатель цензурного комитета бар. Медем не одобрил этого усердия.¹⁸⁾

Большую роль в развитии интереса к вольному прошлому казачества сыграли сборники песен, среди которых было много казачьих. В 1866 г. вышел сборник донских песен, изданный Савельевым. В 1860-х—1870-х г. г. выходили „Песни собранные П. В. Киревским“, издававшиеся „Обществом любителей Российской Словесности“ в Москве. Том 7-й был посвящен XVII-му веку, фактически главным образом Разину, том 8-й (М., 1870) — эпохе Петра I. Редактор „Песен“ П. А. Бессонов не всегда отчетливо разбирался в своеобразном положении вольного казачества и в деталях казачьих песен, но он усердно подбирал их.

К XVIII веку отнес он напр. песню о приезде Донских казаков на Воронеж (очевидно, с зимовую станицу, проездом в Москву).

„Уж как шли-прошли казаки со Тиха Дона.

Со Тиха, братцы, со Ивановича“.

Один казак „заходит на кружало государево“ и требует:

„Ах вы здравствуйте, государевы целовальники!

Вы продайте мне вина на пятьсот рублев,

А товарищам моим на тысячу.

Промежу собой целовальники взглянулися:

Уж как ёкова питуха у нас не было,

Уж как знать это, братцы, не Донской казак,

Уж как знать это атаман их...“¹⁹⁾

Неоднократно описывался в песнях Войсковой Круг:

„А во славном да во Черкасском во земляном городке...

Ко кресту тут собиралися Донски казаки,

А и Донские, Гребенские, Запорожски хохлачи;

Становилися молодцы во единой войсковой круг“...

Казаки выражали недовольство тем,

„что взял у них царь-государь город

Со тремя с теми со малыми со пригородами,

А и со славной со Кубаньей, с крепким Лютиком“.

Тут, очевидно, выражалось недовольство переходом Азова в ведение имперской власти, запершей выход для казаков в море.

Ряд песен напоминал и о Некрасове (его больше запомнили, чем Булавина):

„Возмущился славный наш Тихий Дон

Со вершины до славного до устьяца.

Возмутил его Донской казак,

По имени и по отчеству Игнатюшка Иванович

Игнатюшка Иванович, по фамилии Некрасов...“

Он увел с собою „силы-рати сорок тысяч“. Приводились в песне и казачьи жалобы на кн. Долгорукова, который

„Захотел старикам усы-бороды сбрить,

И молодых детей во солдаты брать...“

Некрасов сообщал оставшимся на Дону казакам (с Кубани):

„Уж мы бросили свое житье-бытье, богатство,

С того-то со Тиха Дону долой пошли,

Мы пошли к Турецкому султану в подданство,

Он принял нас со честью, со славою...“

Тут-же рядом напечатаны и песни, именуемые Некрасова „казачком Игнаткой изменщишкой“, или рассказывающие о Сеньке Маноцкове:

„У нас, братцы, на Дону во Черкасском городе,

Проявилась у нас, братцы, прирочная тума,

Он из тум, братцы, тума, Сенька Маноцков злодей,

Крепкой думушки со стариками он не думывал...

Перекинулся собака ко Азовскому паше...“

Не обошли молчанием песни и столкновений казаков с московским царством. Были в них и угрозы царю, правда Турецкому от Донского казака в неволе:

„Напишу я скору грамоту

Не пером и не чернилами,

Я своими горячими слезами,

Ко товарищам на Тихий Дон:

Славной Тихой Дон взволнуется,

¹⁶⁾ Костомаров: „Замечание“ к пр., „Современник“, т. 78, ч. 2-я.

¹⁷⁾ Научно-публицистичні писання Костомарова, 1928, с. 53 и след.

¹⁸⁾ „Огни“, сб. ст., Пгр. 1916, с. 63. Переписка Добролюбова и Славутинского.

¹⁹⁾ Том VIII, с. 58.

Весь казачий круг взбунтуется,
Разобьют силу Турецкую
И тебя, царь, в полон возьмут...“

Не плохо звучали речи казака при допросе его царем:²⁰⁾

„Ответ держал добрый молодец царю:
Не тебе, собаке, меня молодца спрашивать,
А не мне то было тебе ответ держать!
Расспросил бы меня ты, батюшка православный царь,
Я сказал бы тебе правду — истину:
Разорил ты прежде войско Донское,
А другое войско Оренбургское,²¹⁾
Приехал ты к нам разорять в город,
Погревожил наших стариков старых...“

Целый ряд песен посвящен Донскому казаку, сидящему на Руси в темнице, в окнах. Одна из них говорит о Степане Ефремове, которого все покинули, кроме жены (Мелании Карповны).

В 7-м томе, кроме серии разинских песен, помещены были песни об убийстве казаками царского посла Карамышева:

„Собирались казаки-братцы во единой круг,
Они думали думу крепкую за единое,
И палили они в лодочку во легкую²²⁾
Потопили-подмочили государев указ...“
Закончим выписки „Жалобой Дона“ на отсутствие из дому казаков, ушедших на царскую службу:

„Ах ты батюшка, славный — тихий Дон,
Ты кормилец наш Дон Иванович!
Про тебя лежит слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая:
Как бывало ты все быстер бежишь,
Ты быстер бежишь, все чистехонек;
А теперь ты, кормилец, все мутен течешь,
Помутился ты, Дон, сверху до низу.
Речь возговорит славный — тихий Дон:
Уж и как то мне все мутно не быть,
Распустил я своих ясных соколов,
Ясных соколов, казаков Донских,
Размываются без них мои круты бережки,
Высыпаются без них кобы желтым песком...“

Истолкователи казачьих песен были довольно несведущи в истории казачества (Степана Ефремова зачисляли в петровскую эпоху!), но песни сами по себе были полны живым содержанием и увлекали своей формой. И они также поддерживали в российской интеллигенции веру в вольнолюбивый дух казачества.

Понятно, поэтому, что авторы самой резкой революционной прокламации 1860-х годов — „Молодая Россия“ писали в 1862 г. о „народной партии“, которую они противопоставляли партии „императорской“: „Сегодня забитая, засеченная, она завтра встанет вместе с Разиным за всеобщее равенство и республику русскую; с Пугачевым за уничтожение чиновничества, за надел крестьян землею...“

Слухи о планах революционеров поднять Дон бродили в обществе и доходили иногда до властей. Бывший студент Технологического Института Волгин, который делал доносы на „крайнюю партию Великорус-

²⁰⁾ По объяснению Бессонова издатель песни Сахаров подменил слова „православный царь“ словом „воеводушка“. Мы делаем обратную замену, пользуясь этим указанием.

²¹⁾ Очевидно, было „Яицкое“.

²²⁾ В лодочке сидел „с Москвы посланник царев Коромышев князь да Семен Константинович“...

сов“, сообщил 12 апр. 1863 г. петербургскому обер-полицеймейстеру Анненкову об устройстве на Волге четырех опорных революционных пунктов, между прочим „в Ахтубинске, как пристани и пункте, связывающем Волгу с Доном, как защите Астрахани от войск правительства в случае неудачи взволновать Дон“. Главным же революционным пунктом, будто-бы, назначалась Астрахань.²³⁾

Петроградское тайное общество „Земля и Воля“ осенью 1862 г. подсчитывало районы, где сохранилась память о вечевом устройстве, и включало сюда — волжский, уральский, „казачий“. Оно пыталось послать своего человека к уральским казакам. Какие-то невыясненные связи были у общества с Доном, т. е. с некоторыми донскими радикалами. Когда общество вошло в связь с „Колоколом“, Огарев советовал обществу основать отделы в университетских центрах. „Казань“, писал он, — имеет наибольшее значение для восточно-волжского края, Харьков — для Малороссии и Дона“. Члены должны были проповедовать „необходимость земского собора, который бы основал поземельное народное владение; сельское, волостное и областное самоуправление...“ Он советовал, „как скоро польский вопрос элиминируется, переходить в восточные, кавказские и другие войска ... для составления офицерских кружков“.²⁴⁾

Каких либо прочных организационных связей с казачьими краями у российских радикалов 60-х г. г. не было. Отдельные представители революционной интеллигенции, сталкиваясь непосредственно с казаками на их родине, поражались их чувствам личной независимости и собственного достоинства. Даже сибирские казаки, формально бывшие служилыми со времен начала покорения Сибири, никогда не основавшие отдельного государства, и те поражали своими заявлениями приезжавших из России радикалов. В 1860 году было перлюстрировано письмо штабс-капитана генерального штаба Мехеды, состоявшего при генерал-губернаторе Восточной Сибири к знакомому офицеру. Автор говорил о необходимости свободы для Сибири, о создании независимого государства, ссылаясь преимущественно на встречи свои с сибирскими казаками. „Я уже говорил, — писал он, — о развитии Сибиряка вообще, о ясном сознании своей личности, своего человеческого права... Народ этот помнит былое и выражается не иначе, как говоря: мы покорили Сибирь; он смотрит на нее, как на свою собственность и судит обо всем чрезвычайно здраво... Много толковал я с казаками и вижу их значение в будущем. Многие казаки выписывают журналы и, вообще, предоставленные своим только средствам, представляют громадные успехи в своем развитии...“

„Сибиряк не русский мужик, — тому надо отряхнуть долгое рабство, сжиться с свободой, воспитать себя в ее смысле; сибиряк же вырос под ее сенью. Если непреложен закон кровавого основания в деле свободы, то и тут преимущество на стороне сибиряка; изгнанный из родины силою своих поступков, он не дешево заплатил за право идти на край света и искать новой отчизны. Материальный быт тоже на стороне сибирского населения. Нынче устроены школы по казачьим сотням; они битком набиты мальчиками и девочками...“²⁵⁾

²³⁾ Комментарий к XVI т. соч. Герцена, с. 172.

²⁴⁾ Герцен „Собр. соч.“ т. XVI, с. 87, 94.

²⁵⁾ Сватиков „Россия и Сибирь“, 1930, с. 38—39.

В пражской чешской газете „Národní Listy“ в номере от 9 сего февраля, в статье г. А. Ксюнина „Гитлер и Советы“, помещенной как передовая, есть и такое, не безинтересное место из книги немца Розенберга, касающееся и нас, казаков:

... „Что касается отдельных частей России, то немцев интересуют прежде всего: Финляндия, Балтийские государства, Украина, Казачьи Государства (г. Ксюнин по поводу Казачьих Государств, называемых им уменьшительным именем, замечает: „вступает в жизнь новое понятие“), Кавказ и Туркестан...“ По мнению Розенберга, добавляет г. Ксюнин, „большевики должны остаться „украшением“ только Великороссии, остальные же части Р. И. должны быть освобождены от большевизма и отделены от России...“

Т. Стариков.

Утрата Доном своей самостоятельности в начале XVIII ст.

(Доклад, прочитанный в Братиславе 26 ноября 1932 г.)

В настоящем докладе речь будет идти о том, как и почему Дон утратил свою самостоятельность. Но совершенно уместно перед тем и спросить: да был ли Дон когда-нибудь самостоятельным государством, или может быть он был окраиной Московского государства, его провинцией?

На этот вопрос проф. Сватиков в своем труде „Россия и Дон“ категорически отвечает: „безусловно на Дону существовала своя собственная государственная власть и с 1549 по 1721 г. Дон был государством, а не провинцией“. Далее этот же автор говорит: „Суверенная власть принадлежала общему народному собранию, носившему название Круга или Войскового Круга“. Эти слова означают, что Дон был республикой.

Обычно утверждают, что современные Донские казаки являются потомками беглых крепостных людей из России, не вынесших рабства или даже людей, совершивших какое-либо преступление у себя дома и бежавших от преследования власти и суда. Но совершенно нельзя себе представить, чтобы такие беглецы, рабы по преимуществу, т. е. люди, привыкшие жить по чужой указке и работать из под кнута, могли создать государство, основанное на началах полного равенства и свободы и в то же время с сильной государственной властью. Рабы не могли совместить безусловного равенства и полной свободы с строгим порядком и подчинением избранным ими вождям. Рабы, которые никакого представления не имели о боевой, полной опасностей военной жизни, не были бы в состоянии отбиваться от многочисленных врагов или нападать на них и в то же время творить свою жизнь на началах, совершенно неизвестных Московской крепостнической, самодержавной Руси... Для этого нужны были иные люди, с иной психологией и с иными жизненными навыками. Нет, Донскую республику создавали свободные люди, привыкшие, в силу исторической обстановки, с давних времен к бранной жизни. Они назывались Подонскими Руссами, Подонскими славянами и жили на Дону с древних времен. Донские казаки являются остатками этих Руссов, этих древних славян, управлявшихся народным собранием — вечем (Радой, Кругом).

Народоправство, равенство и свобода являются, таким образом, у казаков наследственной чертой, вошедшей в их плоть и кровь. От тех же старых Подонских славян донцы унаследовали и свою воинственность, без которой в степях не мог жить ни один народ. Г. Б. Вернадский в „Начертании Русской Истории“ говорит, что „расселению славян по Днепру соответствовало или даже предшествовало расселение их по северному побережью Черного и Азовского морей, что славянские племена могут быть отмеченными в особенности по Дону“. Арабский историк Ибн-Хордобек прямо называет Дон „славянской рекой“. Писатель Масуди (X в.) говорит, что берега Танаиса (Дона) „обитаемы многочисленным народом славянским“. В те далекие времена не далеко от устьев Дона существовал город, имя которому было Руссия. Он был столицей Подонских Руссов.

Далеко до прихода татар, на Дону обитал славянский и при том христианский народ Бродники. Историк Голубовский в своем исследовании южных народов говорит о том, что Бродники являются родоначальниками Донских казаков. Но сами они являются теми же Подонскими славянами и Руссами. Рубриквис, ехавший через Дон к татарам вскоре после их нашествия, видел на его берегах поселения Руссов.

Известно, что для православных христиан, живших на территории, занятой татарской ордой еще в 1261 г., т. е. через 24 года после ее прихода, основана была Сарайская епархия, которая с 1340 г. стала называться Сарайской и Подонской епархией. Это название дано, конечно, потому, что на Дону жили люди православной веры. В этом отношении особенно известен

так называемый Червлёный Яр, т. е. территория, лежащая по р. Хопру до р. Великой Вороны и по правому берегу Дона до р. Воронежа. В этой местности с глубокой древности было довольно густое население, которое имело свои города, церкви и монастыри. Червлёный Яр упоминается и в русских летописях еще в 1148 г., когда князь Глеб Юрьевич был „во градах Червлёного Яру и на Великой Вороне“ (приток Хопра). Известие об этом православном славянском населении сохранилось только потому, что из за Червлёного Яра велась в продолжении многих десятков лет борьба между епископами Рязанским и Сарайско-Подонским. Шел долгий спор о том, в какую епархию должно было войти это население. При чем само население настаивало на том, чтобы оно входило в состав Сарайско-Подонской епархии. Рязанские епископы доказывали свое право на эту территорию.

Но как могло случиться, что татары пощадили это население? Надо полагать, что это произошло потому, что оно перешло на сторону татар.

Но с какого времени это население стало называться казаками, не сохранилось никаких сведений. Известно, что Донские казаки участвовали в Куликовской битве в 1380 г. Но, к сожалению, сохранились названия только двух городков того времени — Сиротинского и Гребенского. Нет никакого сомнения, что их было гораздо больше, так как совершенно нельзя себе представить, чтобы два городка могли существовать так далеко от Червлёного Яра.

Итак, значит, славянское христианское население существовало на Дону не только во все время владычества татар, но и много раньше их прихода. Оно то и положило начало Донскому казачеству и заложило Донское государство.

Донские казаки помогли Димитрию Донскому разбить татар, помогли они и много лет спустя Ивану Грозному покорить Казань и Астрахань.

В 1570 г. Иван Грозный обратился к казакам (как единоверцам) с просьбой проводить его послов до Азова, обещая за это особое вознаграждение. После этого он не раз просил казаков о таких же услугах. О каком либо подчинении здесь не было и речи.

Первым из московских владык решил подчинить Дон Борис Годунов — правитель. От имени царя Федора он послал на Дон в 1593 г. посла Нашекина (ехавшего в Турцию) с особой грамотой, в которой Москва требовала, чтобы казаки „с сыном боярским с Петром Хрущевым на Дону в Раздорах, где пригоже стояли“ и „царским делом промышляли с Петром Хрущевым“.

Проф. Сватиков говорит, что дело шло о превращении донцов в служилых казаков. Нашекин повел себя, как подобает послу, получившему такую миссию, он не поехал в Раздоры, а остановился в трех верстах от войска „на Госгине“ и потребовал, чтобы Круг явился к нему. Уговаривать приехал один из верховых атаманов, Вишата Васильев. „И в войску атаман и казаки хотели его в воду посадить“ (утопить). В конце концов, через несколько дней, донцы, придя в стан посла, схватили там силою Вишату Васильева, и били его ослопом перед шатром посла и тут же „посадили его в воду“, а говорят, „что он всему войску изменил“ и что он „государю доброхотует“.

Из этого случая видно, как чувствовало себя Войско по отношению к Москве и царю. Одна попытка Москвы превратить их в служилых казаков привела их в такое неистовство, что они на глазах Московского посла убивают своего же казака и атамана за то, что он хотел повлиять на них, поколебать их нежелание подчиниться Москве.

Поведение донцов чрезвычайно возмутило властного правителя Бориса Годунова. Особой грамотой, посланной на Дон с кн. Волконским, он потребовал прекратить борьбу с Азовцами, которая могла бы „царскому делу с Турским учинить поруху“. Именем царя

Федора Боряс писал: „и вам от нас быть в опале и в казни и впредь вам к нам к Москве николи не бывать, и пошлем на низ Доном к Раздорам большую рать и вас сгоним с Дону, и вам от нас и от Турского султана где избыти“?

Из этих слов видно, как серьезно ставился вопрос. Казаки понимали, что Москва готовится оккупировать Дон и, следовательно, лишить их независимости. Казаков не могло не возмущать и то, что Москва для борьбы с Доном намерена была заключить союз с врагом Дона Турецким султаном.

Казаки не сдавались. Москва объявила экономическую блокаду Дона. Казакам запрещено было торговать в московских пределах, прекратились сношения с Доном; казаков ловили и вешали. На Донце поставлена была крепость Царев-Борисов. Донцы ответили на эти репрессии тем, что послали к Димитрию, призванному ими за царевича, 8 тысяч бойцов. В результате борьбы Борис погиб, а на престол был выбран Михаил Федорович.

За эту услугу в год избрания Михаила Федоровича с Дона была снята экономическая блокада. А в сентябре 1614 г. сношения с Донскими казаками были переданы в Посольский Приказ. Россия таким образом признала Дон государством.

Но скоро Москва стала предъявлять казакам такие требования, которые шли против их интересов и противоречили сложившимся у них традициям и взглядам. В 1630 г. от Донских казаков было потребовано прекратить набеги на Турцию и Крым, а „итти на государство недруга на Польского короля землю с турскими пашами с Мартузою да с Абазою вместе“. Это предложение не соответствовало ни традициям казаков, ни их убеждениям. Турки для них были постоянными и непримиримыми врагами Христовой веры. Идти вместе с ними прогив кого бы то ни было казаки не могли и они ответили решительным отказом. А когда посол Москвы Карамышев стал угрожать им силою, они круто поступили с ним.

Проф. Сватиков говорит: „эта угроза потрясла душу свободных граждан Дона до самой глубины и придала их словам, обращенным к царю, силу, мощь и выразительность истинно библейские... „И мы, — писали казаки, — видя его Иваново над собой злоухищрение от горести душ своих, за его великую неправду того Ивана Карамышева обезглавили“. Москва снова прервала сношения с Доном, а казацкие послы, бывшие в Москве, атаман Наум Васильев и 70 казаков были рассажены по тюрьмам в различных городах и „показаны, а иные перекованы, пометаны в заключение, помирали голодной смергью“.

Москва начала готовиться к борьбе. Но она узнала, что и Дон готовится к ней. Тайные разведчики донесли, что у казаков прошел слух, будто царь „указал послать на Дон посылку, чтоб нас с Дона сбить и по Дону де будет государевы города ставить... у Донских де казаков с Запорожцами приговор учинен таков: как приходу откуда чаять каких людей многих, им взаимно помогать, а Дону им без крови не покидывать“. (Сватиков: Р. и Д. стр. 76).

Положение для Москвы усложнялось. Запорожские и Донские казаки заключили против нее оборонительный союз и готовились к войне. Москва ограничилась угрозами. Патриарх грозил отлучением всего Дона от церкви. Но ничто не помогло. Дон шел на все, чтобы отстоять свою независимость. Для борьбы с Москвой объединились обе казацкие республики и... она уступила. Москва была еще слаба, чтобы наложить свою руку на Вольный Дон и Запорожье сразу. Московские бояре писали отписки в Крым и Константинополь, что... Дон не слушается повелений царских.

Не случался его этих повелений, когда они противоречили их интересам, и после того, как вынужден был принять присягу Московскому царю (1671 г.).

Донские казаки, несмотря на данную присягу, сохраняли за собой и право внешних сношений. Так в 1686 г. они „помирились с крымскими и азовскими людьми и черкесы по своему войсковому обычаю“. Так поступали они до покорения Дона Петром I. Поэтому считают, что Дон был самостоятельным до присяги, а

после, до 1721 г., автономным государством. В этом же году, по указу Петра I, он подчинен был Военному Министерству, называвшемуся в то время Военной Коллегией.

Как и почему это произошло? Почему Дон, будучи воинственным и свободолюбивым, мог утратить свою самостоятельность? Где и в чем лежат причины этому?

II.

Донская республика возникла на весьма большом расстоянии от Московского государства. Между ними лежало никому не принадлежавшее и никем не заселенное „Дикое Поле“. В начале царствования Ивана Грозного границы Московского государства проходили по р. Оке, по которой тянулась укрепленная линия. При таких условиях Москва не только не имела власти над Доном, но и не могла оказывать на него какое бы то ни было влияние. Жизнь развивалась в этих двух государствах на противоположных началах. На Дону укреплялось народоправство, в Москве, наоборот, самодержавие. На Дону были свобода и равенство, в Московском государстве рабство и царское своеволие.

Донская Республика, выдвинутая далеко на Юг, окружена была воинственными народами. В продолжении столетий между ними и казаками шла жестокая, упорная борьба. Казаки не только защищались, но и нападали. В настоящее время кажется невероятным то, что они, несмотря на подавляющее численное превосходство врага, сохранили в руках своих Дон и не были поголовно истреблены.

Бесперывные войны, постоянные угрозы нападений создали тогда для казаков такие условия жизни, что они не могли иметь ни своей промышленности, ни своего земледелия, и, вследствие этого, стали постепенно попадать в экономическую зависимость от той державы, которая имела свой хлеб и свое налаженное хозяйство.

Московское государство жило далеко от воинственных кочевников и границ Турецкой державы. Со стороны Дикого Поля она имела целый ряд крепостей, между которыми тянулись линии глубоких рвов, засек и пролегали малопроезжие леса. Под их защитой и естественным прикрытием Донских казаков, русский народ мог спокойно заниматься сельским хозяйством и развивать свою промышленность. Донская же республика была открыта со всех сторон. Лесов по своим границам она не имела, крепостей, рвов и засек создать не могла, ибо слишком велики были границы для малонаселенного края. Казаки жили в небольших укреплениях, называвшихся городками, и разбросанных на больших расстояниях друг от друга. Поля же их не были защищены. На них почти всегда рыскали соседи. О земледелии нельзя было и думать. Промышленности и торговли никакой нельзя было вести. А это повело к тому, что казаки не могли иметь ни своего хлеба, ни своих материй для одежды. Особенно казаки нуждались в последнем. Добыть костюм, добыть „зипун“ для них было жизненной необходимостью. Хлеб они издавна покупали или выменивали на лошадей, на рыбу или на то, что добывали на войне. Они не имели даже своего свинца для пуль и селитры для пороха. Все это им надо было добывать на войне.

Еще Борис Годунов воспользовался этим для того, чтобы попробовать заставить Дон повиноваться себе. Но тогда Дон не покорился.

К этой мере прибегали русские цари и после. И мера эта, как мы знаем, заставляла иногда смиряться Дон.

Таким образом, само географическое положение Донских казаков, выдвинувшихся далеко вперед в степи, вынуждало их вести непрерывные бои с соседями, что в свою очередь не давало возможности иметь свой хлеб, свою промышленность, это же дало большой козырь для Москвы, чтобы постепенно налагать свою руку на казаков.

Донские казаки и сами долгое время запрещали земледелие. Еще в 1690 г. хлебопашество на Дону запрещалось под угрозой смертной казни. Некоторые авторы, а в том числе и проф. Сватиков, полагают, что Дон потому не допускал у себя земледелия, что

оно вело в те времена к рабству. Возможно, что казаки считали хлебопашество, как бы унизительным для себя. Они считали себя вольными людьми, воинами по преимуществу. А это мало согласовалось с мирным земледельческим трудом, которым в Московском государстве занимались только подневольные.

В царствование Алексея Михайловича произошли в Московии такие события, которые, в связи с отсутствием на Дону своего хлеба, повели к весьма серьезным там осложнениям.

В 1666—1667 г. в Москве произошел религиозный раскол, «церковь призвала на помощь в борьбе с ним государство, которое обрушилось с жесточайшими репрессиями на старообрядцев. Религиозные эмигранты широкой волной хлынули на „тихий вольный Дон“, в сторону исконного политического убежища» (Сватиков). На Дон бежали и от крепостной зависимости крестьяне. С 1667 г., после Андрусовского перемирия, разрезавшего Украину на две части, потянулись эмигранты на Дон и из Украины. Дон за отсутствием своего хлеба не мог прокормить всех пришельцев. Приближался кризис.

Отсутствие своего хлеба, своей промышленности, суко́н, поро́ху, все это заставляло Донских казаков иногда уступать Москве. Следовательно некоторая экономическая зависимость Дона от Москвы имела значительное влияние на исход его борьбы за свою независимость.

Постоянная борьба Донских казаков с соседями создавала другую весьма важную причину слабости Дона. Дон так много терял своих людей, что количество его населения, несмотря на приток выходцев из разных стран, за все XVII ст. не прибавилось, тогда как оно могло бы от одного естественного прироста увеличиться раза в три.

Вот некоторые цифры:

Дон послал в помощь к Дмитрию в 1604 г. 8.000 казаков. У Тушинского „царика“ было 15.000 Донских казаков (проф. Сватиков: Р. и Д. стр. 55). Но в то же время донцы продолжали делать свои набеги на Крым-

ские и Турецкие берега, куда обычно отправлялось до 3.000 чел. Кроме того, Войско никогда и ни при каких обстоятельствах не оставляло свои городки без защитников, ибо в них оставались их семьи. Без защитников эти городки были бы разрушены враждебными народами и Дон был бы опустошен. Поэтому то в самые тяжелые и опасные для Войска моменты в городках оставалось по три человека из десяти. Следовательно, если под Москву в разное время могло быть выслано около 20.000 ч., то на Дону для защиты городков и для морского промысла должно было остаться не менее 5.000 ч. Таким образом, у Донских казаков во времена Смутного времени было около 25.000 ч., способных носить оружие.

Через тридцать лет Донские казаки, вместе с Запорожскими, для защиты Азова в 1642 г. могли выставить всего 9.000 чел. А защита Азова считалась весьма важным жизненным делом. Для его обороны они могли взять все, что имели. Турки владели большим количеством войск и многочисленной конницей, могущей в любое время опустошить казачьи городки. Однако, этого не случилось. Казачьи городки были целы. Следовательно, казаки для их обороны оставили достаточное количество бойцов, во всяком случае не меньше 2—3 тысяч... При защите Азова погибло 6.000 ч. На Дону оставалось мало людей. Турки и Крымцы знали это и вели почти непрерывные нападения на каз. городки. Дон вынужден был просить помощи у московского царя. Эта помощь присылалась (один раз 4.500 и другой — 1.000 ч.). Но все эти люди не выносили тяжести казачьей боевой жизни и разбегались, а казаки оставались одни перед лицом сильнейших противников. Во время Булавинского восстания, т. е. через 65 л. после знаменитой осады Азова, казаков, могущих носить оружие, историк Соловьев исчисляет в 22 т., а Донской историк Сухоруков в 30 т. Во время восстания погибло 10 т. Снова, значит, осталось 20 т., т. е. почти столько же, сколько их было в период смутного времени. За столетие население Дона не прибавилось.

(Окончание следует).

Ив. Скобелин.

Без чести и совести.

После своего неудачного выступления в Париже в феврале—марте 1932 г., В. Харламов снова выступил против „В. К.“, на этот раз в русской газ. „Посл. Нов.“

Выступление это и на сей раз носит характер детского лепета. Подчеркиваю „детский лепет“ потому, что он, В. Харламов, вместо того, что пишет он сейчас, как быв. председатель Дон. В. Круга, в действительности должен был бы от имени Войскового Круга и опираясь на Основные Законы, напомнить каждому казаку о правах своего государства. Говорю так потому, что когда то он от имени Всевеликого Войска Донского указывал Указом Войскового Круга о гражданских правах казака „перед Родным Краем“ о „службе на Дону“: „... пусть каждый казак и гражданин Всевеликого Войска Донского помнит о своем долге перед Родным Краем, пусть в каждом из нас Атаман найдет верных исполнителей. Одна мысль, одна воля да объединят нас: помочь Атаману в его тяжелом и ответственном служении Дону. Подпись: Председатель Б. В. Круга В. Харламов. Секретарь Круга Ф. Крюков“ (См. Указ Б. В. Круга от 15 сент. 1918 г. док. № 15, „Дон. Лет.“ № 3 стр. 349).

Впрочем, вместо полемики с сегодняшним Харламовым вспомним о некоторых документах Харламова вчерашнего. Вот один из них:

„Материалы и документы. Письмо председателя Донского Войскового Круга В. А. Харламова на имя Донского Атамана ген. А. П. Богаевского: „Глубокоуважаемый Африкан Петрович! Я совершенно определенно считаю, что роль Врангеля закончена, как закончен с потерей последнего клочка русской террито-

рии истекший период вооруженной генеральской борьбы с большевиками. Диктатура Колчака, Деникина, Юденича и Врангеля не удалась. В этом надо честно признаться, не будем разбираться в причинах. Это факт. Делать попытку в пятый раз идти тем же путем, это безрассудно. Нельзя рисковать остатком живой силы. Отсюда я делаю вывод, что Врангель, сделавший один из неудачных опытов, не может оставаться во главе движения. Помимо этого, есть много причин высшего стратегического и политического характера и личного, которые делают для нас, казаков, фигуру Врангеля неприемлемой. Я это заявляю Вам, Донскому Атаману, как Терскому, так и Астраханскому — главам казачьих Войск, мною здесь представляемых. Говорить сейчас о сохранении союза, заключенного в Севастополе, не приходится. Что значит предоставление нам внутренней автономии, когда мы не имеем ни одного клочка своей земли? Врангель попытался вместе с нами завоевать нашу землю, чтобы мы потом могли на ней осуществлять нашу автономию? На этот вопрос я отвечаю отрицательно. Нельзя в серьез принимать те легкомысленные попытки десантов Улагай и Назарова, которые были проделаны в июле—августе. Без надлежащей подготовки, не поддержанные извне, они вызвали только новые жертвы и больше ничего. Врангель все время сидел между двух стульев: движением на восток в казачьи земли и движением на запад в сторону Украины — Польши. Не мог сговориться с поляками и украинцами об общих действиях, не хотел и с казаками договориться, вплотную опереться на них и дать им пре-

валирующее значение в борьбе за свою самостоятельность. А в результате и он и мы изгнанники-эмигранты-беженцы, как хотите называйте, но теперь возникает вопрос, почему Вы считаете себя обязанным предоставить Врангелю наши силы и средства материальные и моральные в его распоряжение, как главнокомандующего. Для какой цели? Для дальнейшей борьбы с большевиками? Хорошо. Но кто теперь на Западе из союзников поддерживает Врангеля? Французское правительство, признавшее его *de facto*, теперь таковым не признает ни его, ни его Пр-ства, ибо нет самого факта власти — нет территории, нет населения, есть только остатки армии, живущей, как Донцы, в невыразимо тяжелых условиях. Я решительно утверждаю, что в правительствах Союзников, не исключая Франции, всякая новая попытка, нового генерала, поднять вооруженную борьбу, не встретит поддержки. Так зачем нам нужен сейчас Врангель? Потому, что у него средства денежные, скажите Вы. Но эти средства не его, а общегосударственные, общероссийские, т. е. и Донские, и Кубанские, и Терские, и Астраханские. Если Вы на них громко и твердо предъявите свое право, Вы их также получите при содействии органов союзников, а если на эти средства смотреть, как на Врангелевские и получать их из его рук, то тогда придется играть казакам униженную роль приживалки при барине генерале, от чего, Боже, нас всех сохрани. Что же, я предлагаю мириться с Троцким, прекратить борьбу? Отнюдь нет. Надо только пересмотреть условия и обстановку борьбы, надо разобратся в характере и методе борьбы. Нам, казачеству, надо найти самих себя, а не цепляться за Врангеля. Врангель — это вчерашний день. Надо ограничить свои задачи борьбы пределами своей территории и только. Надо войти в тесный союз с соседями казаками, надо сохранить и организовать казачью силу, надо работу перенести внутрь наших земель и надо борьбу вести параллельно внутреннему процессу восстаний на Украине и внутри Центральной России, продолжая в то же время работу вне, т. е. за границей в том же духе. Я убежден, что казакам и казачьим силам больше доверяют, чем разным белым генералам и скорее помогут, чем им! Теперь, мне кажется, ясно, что процесс оздоровления России пойдет по частям и из кусочков она будет

слепливаться. Так давайте, мы будем работать над своим куском и думать о нем и говорить о нем. Вот моя позиция. Если Вы ее не разделяете, надо честно и открыто договориться. Тогда я лучше откажусь от представительства, чем работать в том направлении, которое я не разделяю. Официально я нигде еще не заявлял о моем отрицательном отношении к Врангелю. Но скоро это придется сделать, т. к. на днях возвращается из Праги Л. Л. Быч, с которым я опять войду в сношения на условиях, указанных мною выше. Быч уехал на совещание со своими кубанцами. В вопросе о Национальном Комитете я занимаю выжидательную позицию и определяю к нему свое отношение в зависимости от его характера в направлении и его состава. Я уже заявил, что для казаков фигура Керенского является абсолютно неприемлемой. В. А. Харламов. Париж, 18 дек. 1920 г." (См. газ. "Голос Казачества", № 6 от 25 сент. 1921 г.). Теперь предоставим казачьему читателю сравнить вышеприведенное с тем, что пишет сейчас тот же Харламов в "П. Н." и вынести свое решение.

Не спи, казак, ибо не время спать. Следи за казачьей политической жизнью, как следил ты у себя дома за своей казачьей семейной и хозяйственной жизнью. Те казаки, которые дома не следили за своей семьей и домашней жизнью, а допускали, что у них по ночам из амбара хлеб мешками или возами тянули, после эти казаки "хозяева" вынуждены были в нищете жить. В последнее время, к стыду нашему, мы не следили за обще-казачьей политической жизнью, а поэтому и оказались в нищете и рабстве. Если мы, казаки, и в будущем не будем следить за общей казачьей политической жизнью, то у нас, казаков, вожди общероссы разстанут и то, что осталось еще у нас...

Отбрасывая каз. вождей общероссов, нам "надо найти самих себя", ибо "казакам и казачьим силам больше доверяют, чем разным белым генералам и скорее помогут, чем им", а поэтому скажем друг другу словами В. А. Харламова: "Так давайте, мы будем работать над своим куском и думать о нем и говорить о нем". Вот наша казачья позиция! Обединяясь "над своим куском" и на своей позиции, мы этим "лучше всего отвечаем не только В. Харламову, но и всем вообще "русским казакам".

Я. Лопух.

В. А. Харламову.

Донской казак В. А. Харламов, бывший председатель Войскового Круга, доказывая невозможность отделения Казачества от России, утверждает, что русский народ любил и любит казаков. Однако фактов, подтверждающих эту "любовь", Харламов не приводит. В виду этого я осмеливаюсь привести несколько фактов из прошлого и нынешнего времени, ярко характеризующих "любовь" русского народа к Казачеству. Когда я был малышом, то на Кубань к сенокосу приходило много косарей из центральных русских губерний, так как ни сенокосок, ни жаток тогда еще не было.

По вечерам я любил слушать их разговоры, в которых очень часто высказывалась эта самая "любовь" к казакам.

— Дай богато живут тут казаки. Прямо помещики да и только.

— А почему же им не жить то богато? Вишь, сколько земли!

— Вот кабы нам эту земельку то!

— Да, а казаков то куда же денешь?

— Куда? Да куда либо на границу. Пусть себе с туркой, или там с Китаем воюют да землю себе у бусурман отбирают, а эту нам бы...

Осенью на хлебных ссыпках частенько можно было слышать от русских амбарщиков следующие лас-

кательные слова к казачьему, не уступающему за бесценность своего хлеба.

— Эх ты, чорт голоухий! Тебе ж цену дают, а ты свою морду куркульскую в сторону воротить.

— Хіба ж то ціна, шо ти даеш? Ти знаєш, скільки труда положено, пока збереш цей хліб до чувалів?

— Труд! А ты его клал? Земля у тебя даровая, а убирали тебе этот хлеб наши же русские. Вот кто трудился, а не ты...

После революции 1905 года "любовь" эта еще больше усилилась и русские люди окрестили казаков "опричниками", нагаечниками" и т. п. "ласкательными" именами.

В начале 1918 года мне пришлось скрываться от большевиков с подложным документом — крестьянина. Приходилось ночевать на постоялых дворах в так называемых "общих", работать в артелях на железных дорогах; тут уж я наслушался всевозможных "эпитетов", относящихся к казакам, доказывающих "любовь" русского народа к казачеству.

— Ты слышал, Васька?

— Что?

— В Вознесенской уже поделили землю поровну между всеми — и казаками и иногородними.

— Как? и казакам дали?

— Дали.

— Ну это, брат, х...а. Сколько годов казаки пользовались землей, а иногородние и за плановое место посаженное платили. Таперича, по моему, землю раздать только иногородним, а казаки плати — посаженное. А не хочь — убирайся к чертовой матери куда либо на Арарат...

Однажды в Крыму я ехал из Севастополя в Керчь. Погрузились вечером. Товарные вагоны без освещения набиты разным людом. Большинство военных. Водном углу расположились два пожилых штаб-офицера. Слышу между ними идет разговор о казаках, прибывших в Крым с Хвостиковым.

И зачем эту сволочь привезли сюда? Тут нам почти жрать нечего, а тут на тебе, сколько лишнего рта. То фронт бросали, знать нас не хотели, а теперь опять к нам — под нашу защиту.

— Ничего, полковник, мы постараемся поскорее отправить их на фронт, да в такие места, чтобы от них осталось одно воспоминание. Вот они этим и грехи свои прежние искупят, да и продовольствия для них больше не потребуется...

Наконец, после последнего Кубанского восстания, в одной из софийских гостиниц за столиком сидят трое русских. Разговор ведется о жестоком подавлении восстания Кубанских казаков и о высылке десятков тысяч казачьих семей в Сибирь.

— Так им и надо, подлецам! говорит один из собеседников, не хотели воевать, фронт бросали, ну, так вот теперь узнают Кузькину мать.

— Да, для них, идиотов, Круги и Рады были важнее восстановления прежней Великой России; пусть же теперь кружатся и радуются в Соловках да в Сибири, заявляет второй.

— Я вполне оправдываю действия большевиков по отношению к казакам, говорит третий, давно пора бы уничтожить это сословие и сравнять их во всем с крестьянством...

— Так вот Вам, г. Харламов, для доказательства „любви“ русского народа к казакам несколько примеров от всех сословий: крестьян, торговцев и дворян. О любви же большевиков, сиречь тех же великороссов, с радостью принявших большевизм, защищавших и укреплявших таковой, и говорить не приходится.

Вы, наверно, помните, уважаемый В. А., песенку, которую напевали в центральной России в 60-х годах: „ты куда, мой друг, стремишься — на тот погубительный Кавказ? — тебе оттоль не возвратиться“... Да, тогда опасно было. В те времена на „погубительном Кавказе“ жили одни казаки, поливая своею кровью свою землю...

Очень опасно было, потому что для пахоты, сенокоса и уборки хлеба выезжали из станиц целыми партиями с оружием в руках. А теперь, когда опасность миновала, из центра великороссы десятками тысяч устремились на тот же Кавказ и с „любовью“ вселяются в казачьи хаты, забирают себе их живой и мертвый инвентарь, а безоружных казаков, частью уничтожают на месте, а частью выпроваживают в Сибирь, тоже на верную смерть. Это ли не „любовь“?

С. Чепурной.

Ответ Харламовым.

Бывший председатель Донского Войскового Круга В. А. Харламов на страницах „Последних Новостей“ распинается о „несостоятельности“ вольно-казачьего движения, предостерегая казаков от „авантюры“, „чреватой своими последствиями“. Стараются изо всех сил пробить лбом стену казачьего сепаратизма, ее не касаясь, вертится он вокруг да около, цепляясь то за одно, то за другое „обстоятельство“ и, воздевая руки горько, сокрушенно говорит: „Боже мой, Боже мой, они не понимают, что творят!“

„На этой исстрадавшейся казачьей душе кто только не играл!“ с горечью восклицает Харламов. „То манили казаков американскими кораблями... то обманывали „веселыми походами“, то приглашали вносить тяжким трудом заработанные франки и др. валюту в казну великого князя“... а теперь вновь „на голову Казачества свалилось несчастье — самостийники“.

И вполне понятно, что бывший вождь возмущен до глубины души, чаша терпения его переполнилась, он хватается за перо...

... „К сожалению, руководители вольного казачества не вполне понимают, что творят“, вещает он. но здесь же добавляет — „впрочем, там и руководителей нет“... Так. Но если у нас, самостийников, нет руководителей, то кто же и где это та „таинственная“ сила, которая двигает вольно-казачьим движением? Кто проповедует казачью идеологию и заставил Вас вострепнуться и взяться за перо? Кто же это за „демагоги“ гакие, которые увлекают казаков и „легкомысленно и преступно“ зовут их на путь войны с Россией? Кого и от чего Вы предостерегаете своей фразеологией, сознательно увильывая от правдивой постановки казачьего вопроса? Не казачью ли „аристократию“, которая считает ниже собственного достоинства стать в ряды с простыми казаками, а предпочитает летать из одного русского лагеря в другой русский лагерь или же выжидать, соблюдая „нейтралитет“, — ибо для нас, казаков, Ваша попытка „развенчать“ вольно-казачье движение есть „глас вопиющего в пустыне“. Самостийники — это просто о плоти, кровь от крови — казаки, беззаветно любящие свои казачьи Края. Это — те руководители и демагоги, от которых вы предостерегаете их же. Это те казаки, над которыми вдоволь потешилась

Ваша Матушка-Россия, которые помнят заветы старины дедовской, помнят присягу на верность своим Краям, помнят напрасно пролитую кровь и свои разоренные гнезда...

Убедившись в тупой бездарности, полнейшем бездействии и двуличии своих бывших вождей, они взяли в свои руки руль казачьего корабля и направили его к родным берегам, смело подняв стег с „Наш девиз — Казачья Воля, Казакия — наша цель“. И если Вы не способны были вести корабль туда, куда ему полагается, и если теперь Вам кажутся абсурдными, непонятными порывы нашей души, зов крови казачьей, то не мешайте, сойдите с казачьей арены и в тиши кабинетов продолжайте мыслить, мечтать, — в общем делайте, что хотите...

„Но ведь казаки — взрослые люди, не дети. Они должны понять, что в сепаратизм нельзя играть безнаказанно... я ясно вижу неизбежные последствия и считаю долгом указать на это казакам“ — поясняет Харламов. И остается ответить: да, мы, казаки, уже не дети, хотя Ваши коллеги иногда и указывают, что у нас еще молоко на губах не обсохло, мы совсем не собираемся играть в сепаратизм — для нас это вопрос жизни и смерти, мы прекрасно понимаем куда и за что идем и, главное, — в Ваших указаниях и предостережениях совершенно не нуждаемся. Заложивши в это дело головы, мы сами без Вас или добьемся своей цели или же погибнем; ну, а если суждено погибнуть, то тогда на наших головах и костях можете создавать какое Вам заблагорассудится Казачество. Только придется ли? — ибо к тому времени, когда Вы станете хозяевами положения на просторах нынешней РСФСР, от него, Казачества, и следа не останется. У нас нет ни романтиков, ни горячих голов в Вашем понимании, наше казачье сознание не позволяет нам сидеть и ждать с моря погоды и с покорностью раба топтаться в хвосте длинной очереди претендентов на власть в будущей единой-неделимой, это предоставляем Вам, — мы же идем своим путем, потому что инстинктивно чувствуем и по опыту недавнего прошлого знаем, что судьба Казачества зависит только от нас самих (казаков).

... „Мы не считаем... мы понимаем... мы думаем...“ — и продолжайте, а мы, казаки самостийники, будем

действовать. Бог не без милости — казак не без счастья, и мы еще не dorосли до того, чтобы отказываться от родных Краев в пользу неизвестной России, у нас еще сохранилась к ним любовь. И не стыдно-ли Вам, г. Харламов, издеваться над чувствами простого казака, над его исстрадавшейся душой, над его желанием может быть в последний раз в жестокой борьбе отстоять право на свободную жизнь?

Не стыдно ли, не подло ли называть чепухой может быть и неумелое, но искреннее выражение своей любви к родным Краям, к своей идее, в простых казачьих стихах? Ведь пишут они не для Вас, маститых

„юбиляров“ литературной и политической деятельности, а для таких же, как и они сами, выливая свои думы, горе и надежду на страницах своего журнала. Помните, что, издеваясь над казаками, выливая на них грязь, Вы прежде всего в ней сами пачкаетесь.

Тяжел, тернист наш путь, но не страшен он нам... Но больно и стыдно становится за вас всех — своих казаков, — вставляющих палки в наши колеса и льющих воду на колесо чужой мельницы. За что и почему? Ведь по общепринятому мнению, это довольно таки гнусное и позорное занятие...

Виши, 19 февраля 1933 г.

С. Савельев.

На разные темы.

I. О „старой русской традиции“.

Кто более или менее знаком с русской историей, тот знает, что бесчеловечная, бессердечная жестокость была свойственна русской власти всех времен, что подобная жестокость была „основа основ“ всех правителей России. Но когда об этой истине говорят самостийники, то русские люди приходят в состояние сильного возмущения и говорят, что самостийники извращают русскую историю.

„Деяния“ современной русской власти вызывают, естественно, возмущение у современных культурных людей. О творящихся „там“ жестокостях, пытках, ссылках и расстрелах пишутся целые книги, а описываемые в них ужасы приводят в состояние оцепенения нормальных людей.

Такого характера трудом является и очерк „Жена вредителя“, печатающийся в газете „П.Н“. Очерк этот написан русской женщиной, скрывающейся под псевдонимом, на собственной спине испытывавшей все большевицкие зверства и едва, каким то чудом, сумевшей в эмиграцию выбраться.

То, что она описывает в своем очерке, превосходит представления о большевицких делах даже у людей, с большевицкими делами знакомых. Это какой то непроходимый ужас. Море слез, крови. Сатанинские пытки, садические издевательства дьяволов в образе человека над несчастными людьми. Горы трупов, десятки и сотни тысяч людей, гниющих в ссылках и тюрьмах. Святотатственное попираание всех человеческих и божеских законов.

Но интересно во всем этом то, что эта русская женщина, все большевицкие ужасы на себе испытывавшая, совершенно не удивляется тому, что сейчас происходит „там“, потому что, как она пишет: „в конце концов, это была старая русская традиция, и удивляться было нечему“. Потому что, через эти большевицкие зверства, „вообще мы возвращались к временам Грозного, когда роды изводились целиком, или к практике XVIII века, когда неугодных ссылали семьями“. (См. „П.Н.“ № 4328).

Вот свидетельство о сокровенной сущности исторической и сущей русской власти. Так вот, не следует ли с этого времени всем русским людям всю свою ненависть, так щедро расточаемую в адрес самостийников, смеющих говорить о присущей русской власти вообще жестокости, направлять уже в адрес этой несчастной русской женщины, в своем, кровью написанном очерке, так о природе русской власти говорящей, а также и в адрес „П.Н“, этот очерк печатающих? А то, ведь, получается большая несуразность: об очевидной для всех истине русские могут говорить свободно, а когда об этой же истине начинают говорить самостийники, то все русские немедленно становятся на дыбы и единым хором предают анафеме.

II. „Пресловутая Кубанская Рада“.

Чем дальше в лес, тем больше дров. Чем больше развивается вольно-казачья идея, чем больше ширится и крепнет это казачье освободительное движение, тем

сильнее становится желание русских как можно скорее покончить с ненавистным им Казачеством: русские „там“, имеющие власть, сначала в декретном порядке упразднили самое имя „казак“, ныне приступили к прямому физическому истреблению казаков, десятками тысяч выселяя их из Казачьих Земель; а русские эмигранты стремятся как можно скорее прикончить Казачество по своему, старательно изгоняя со страниц своей печати слово „казак“, во всяком случае усердно избегая слово „казак“ печатать.

В этом отношении твердостью и методичностью отличается газета „П.Н“, которая даже в мелочах упорно проводит свою „линию“. Например, Кубанская станция устроила в Париже доклад проф. Маркова на тему „Что происходит в Казачьих Краях“. Пишущий эти строки присутствовал на этом докладе и отлично знает его содержание, а самое главное, казачий дух его.

Но вот в „П.Н“ (№ 4335) напечатана статья того же самого Маркова и на ту же самую тему „Что происходит в Казачьих Краях“. А какая разница между докладом и статьей! Это небо и земля! Чем это объяснить? Тем ли, что Марков (хитрый человек!) перед казаками говорил одно, а Миллюковской газете преподнес совсем другое? Или тем, что „Последние Новости“, старательно избегающие употребления слова „казак“, „казачий“, так варварски изуродовали статью Маркова?

А разница между докладом и статьей огромная. Тогда как доклад был составлен в чисто казачьем духе, насыщен им, испещрен словами „казак“, „казачий“, тогда как в нем нарочито подчеркивалось, что с советской властью вели и ведут борьбу именно казаки, в противность русскому центру, такой борьбы не ведущему, в статье на всем ее протяжении не разу не употребляется слово „казак“, „казачий“, а в соответствующих местах всюду они заменены выражением „местное население“...

Думается, что доклад казака Маркова превратился в подобную статью русского профессора после хирургической операции редакции „П.Н“, ибо, несмотря на то, что я хорошо знаю „хитрое качество“ Маркова, я все же не допускаю, чтобы он об одной и той же вещи так различно мог говорить!

К такому предположению приводит меня также одно очень маленькое, но характерное обстоятельство, а именно: „П.Н“, затеяв неприличный спор с „Возр.“ по поводу происходящих в Казачьих Краях событий, написали передовую статью, в которой встретилась необходимость упомянуть о казачьем собрании, устроенном Кубанской станицей. И тут этой газете, верной себе даже в мелочах, стало противно произносить слово „казачье“, а потому написала „на одном собрании в Париже“...

Так „Последними Новостями“ упраздняются слова „казак“, „казачий“, „Казачество“.

А вот еще одно „достижение“ этой газеты. Она в номере 4321 поместила статью П. Гронского. В этой статье, между прочим, говорится (как будто с сожалением) о том, что большевикам не удалось привлечь казачью молодежь в „комсомольский актив“, в подтверждение чего приводятся слова „видных представителей комсомольского ЦК“. В ней мы читаем: „В станице Дин-

ской Екатериновского района, до последнего времени в комсомоле состоял Рябовол — сын председателя пресловутой Кубанской Рады, о которой наверно знают по истории контр-революции на Северном Кавказе“.

Высший, всенародно избранный, законодательный орган Кубанского Казачества для русских является „пресловутой Кубанской Радой“...

„Пресловутая Кубанская Рада“. А там настанет очередь „пресловутого Донского Круга“, „пресловутого Казачества“...

Спрашивается, а те казаки, которые вот уже много лет своей казачьей спиной подпирают своих русских бар, какие они — пресловутые ли казаки или просто для рассылных дел слуги?..

III. Еще о свалке в казачьих верхах.

К своему сообщению о состоявшемся единоборстве Н. М. Мельникова и Маркова я хочу кое что еще прибавить.

Оказывается, буча началась с того, что Мельников упрекнул Маркова в том, что тот работает одновременно с Керенским, Милуковым, работал даже с Кутеповым, а ныне работает с его наследниками; что он, Марков, послал (?) одного русского генерала (Шатилова) к Богаевскому, чтобы последний уволил в отстав-

ку Мельникова и назначил Маркова, что Богаевский и выполнил; что таким приглашением русского генерала для решения казачьего вопроса он, Марков, нарушает лучшие казачьи традиции, что казачьи дела должны решать сами казаки без всяких там русских генералов...

Далее Мельников сообщил, что к нему приходил один близкий к большевикам человек и предлагал большую сумму денег за выдачу одного документа, хранящегося у него в архиве. А о существовании этого документа знают только три человека: Богаевский, Мельников и Марков.

Намек был достаточно ясный. Это взорвало Маркова и... пошла писать губерния. В состоянии запальчивости и раздражения они договорились до таких вещей, о которых, в интересах обих, а также и Богаевского, ни в коем случае не следовало говорить. А когда успокоились, то испугались того, что натворили. Больше всего испугался Богаевский, который, как теперь говорят, отменил свой „декрет“ об отставке Мельникова и, кое как склеил с ним разбитый горшок.

А Марков, говорят, остался на бобах, „что взорвало“ его группу, которая теперь обсуждает вопрос о действительности помимо Мельникова и Богаевского и — против них.

Одним словом — чудеса в решете. Поживем — увидим продолжение...

Думы и мысли.

„Негодяй генерал“.

Интересны бывают иногда случайные встречи и находки. К такой весьма интересной находке я могу отнести и свою.

Попалась мне на днях книжонка, а как ее назвать, не знаю, — то ли это какой журнал, издающийся по мере поступления средств, то ли это „вестник“ для бывших верноподданных, занимающийся какими то „раскопками“...

Книжка носит название „Скорбная Памятка“. В заключительной части этой книжонки есть как бы приложение, под заголовком „Позорная Памятка“. Вот об этой то части я и хочу сказать несколько слов.

Вся „Позорная Памятка“ посвящена писателям генералам и преимущественно П. Н. Краснову.

Кто такой по своим политическим взглядам ген. Краснов, говорить не приходится. К ультрамонархизму можно добавить еще легитимизма, принесшего Казачеству очень много ненужного сумабура и оказавшего огромную услугу русским монархистам, а самое из ряда вон выходящее — это козырь красным большевикам, которые использовали „религию“ Атамана для пропаганды перед русской массой: „Казаки несут Вам черное ярмо царизма“...

Так вот за такую услугу монархисты и „благодарят“ ген. Краснова. „Скрывшийся“ автор распоясался во всю русскую натурушку и чистит Краснова лишь только потому, что Краснов казак. В заключение читаю и глазам своим не верю: „С гадливым чувством читаешь эти страницы („От двуглавого орла к красному знамени“). Не образы негодяев, подобных Верцынскому, рисуешь себе, а бесстыдство автора негодяя генерала, сидящего сорвать последние, еще сохранившиеся от всеобщих усилий, лоскуты одежд невинных страдалец“...

Казаки! к вам мое слово: читайте и „умиляйтесь“ такую „благодарностью“ от черных черному...

Когда в этой же статейке автор касается другого генерала (русского), там он делает снисхождение (по видимому речь идет о ген. Деникине) вождю, под командой которого он (автор) сражался в рядах его „железной дивизии“.

Время людей, как оказывается по русской истории, не меняет.

Донской казак Илья Зерщиков был предателем, продавшим своего Атамана К. А. Булавина, и ему Моск-

ва оплатила его позорную деятельность — казнила отрубив голову.

Но это было двести двадцать пять лет тому назад, а вот в наше время ген. Краснов из кожи лезет, стараясь угодить черной монархической „московской“ обществу, принося своими действиями вред Казачеству не меньше И. Зерщикова, но за весь свой труд и потуги получил плату от русского патриота — титул негодяя генерала.

Такова русскому казаку русская благодарность.

Е. Булавин.

Нью-Йорк.

Освобождение Казачества и роль в нем В. К.

Вот уже пятнадцать лет, как народ наш вступил в борьбу со своим злейшим врагом — российским поработителем. Эта борьба ожесточенная, не на жизнь, а на смерть, борьба за свой Порог и Угол, за свои человеческие права, за свою национальную свободу и государственную независимость, ведется упорно с колоссальными подчас жертвами. И несмотря на то, что вот уже пятнадцать лет, как он переживает тягчайшую трагедию, борьбы этой он не оставляет — ни там, на Родной Земле под страшной пыткой оккупантов, ни здесь, на чужбине, без Родины и прав...

В.К. — есть национальное движение, активновступившее в борьбу за Родину.

Там Казачество ставится к стенке красным палачем, а здесь со змеиным шипением обанкротившийся „вождизм“ силится в предсмертной агонии ужалить нас, казаков-националистов, которые слышат стон и плач своего народа и стараются подать свою братскую руку братьям, изнуренным в борьбе за свободу Родных Краев. Связанные кровно со всеми нашими родными, оставшимися там, разве можем мы равнодушно слышать их мольбы и призывы о спасении? Бежит немилосердное время и все настойчивее вопли с Родины все ужасней:

— Спасите нас, какою угодно ценой... несется оттуда: — где же вы, казаки?..

Казачьи вожди, которым была вручена судьба народа, были глухи и молчали и только спустя семь лет нашего изгнания, казачья масса выбросила вперед казачьих-патриотов.

Эти казаки подняли знамя борьбы за освобождение Казацкой Земли, знамя Казацкой Воли и независимого исторического бытия, основанного на законном и моральном праве, которое бывшие вожди бросили и затоптали в грязь без стыда и совести, презирая свой казачий народ, ушли в лагерь врагов казачьей свободы.

И когда мы встали перед лицом цивилизованного мира на защиту поработанного Казачества, когда начали приподнимать завесу нашей национальной трагедии и нащупывать твердую почву и силы, необходимые нам для спасения Казачества — наши вожди со злобой ведут борьбу и преследуют нас, борцов за лучшую долю Казачества.

Но нам, казакам, не страшны гонения, так как мы знаем, что мы храним и боремся за Идею бытия Казацкого Народа, а поэтому, перейдя все препятствия, мы добьемся поставленной цели —

Казакия воскреснет и час Освобождения пробьет.

Для того же, чтобы наша национальная борьба привела нас к победе, мы должны усвоить обязанности и свою роль в ней.

Надо помнить, что национальная свобода никому легко не дается, и те, кто добивался ее, как, например, чехи, поляки, югославы и др. народы, преодолели на своем пути многие и многие преграды. Из их опыта, мы можем убедиться, что это неизбежно.

Первую же роль во всех таких национальных движениях играла в большинстве случаев их политическая эмиграция. Точно также и наша роль столь же ответственна и безусловно самая главная в деле освобождения своих территорий и своего народа.

Для этого мы должны себя подготовить, а также создать для себя благоприятную почву в международном политическом мире.

Много и много казаков задают себе вопрос: как же мы можем освободить свой народ, когда мы ничего не имеем, да и русские не согласятся на наше отделение.

Напрасно так говорят. Мы имеем, во-первых, свои исторические и моральные права, и наша задача — познакомиться с ними всех тех, кто о них не знает; во-вторых — мы богаты национальным духом и сознанием правоты своего дела.

Наше же оружие — это казачья национальная пресса, которая достойно защищает наше казачье имя и отражает все натиски наших врагов.

Совокупность всего этого, при тесном об'единении всех верных сынов Казакии даст нам возможность сыграть активную роль в тот момент, когда будет решаться судьба Казачества.

Но для достижения победы мы должны, повторяю, себя подготовить политически, а наши стремления сделать общезвестными и вполне приемлемыми для проведения их в жизнь.

Наша настоящая работа — пропаганда казачьего национализма везде и всюду, от простого человека-обывателя, до известного общественного деятеля; каждый казак должен стараться открыть у всех глаза на Казачество — кто и что оно, чего оно хочет и за что так упорно борется. И чем лучше мы это сделаем, тем скорее обеспечим признание для нашего Центра и возможность ему выступить на международном форуме, где он и сможет активно приступить к проведению фактического признания и изыскать пути к свержению оккупантской власти. Такое признание повлечет за собой приобретение оружия — и материального, и морального и... огнестрельного, столь нам и нашему народу необходимого сейчас.

Итак — станем же сознательно в ряды В.К., так как совместными усилиями мы сможем подготовить себя во всех отношениях, памятуя, что наша роль — казачья политическая эмиграция и самая главная, и самая ответственная, ибо грядущие события принесут свободу только тем, кто к ним готов и знает наперед, как свое место, так и то, что ему надо делать.

Если мы станем в первые ряды и будем политически подготовлены, победа останется за нами.

Белград.

Григорий Ковзов.

Русским „комично“, а казакам „трагично“.

В последнее воскресенье попался мне номер „Возрождения“. Пересматриваю заголовки. Смотрю, „О земских и воровских людях на Руси“. Пробегая глазами. Смотрю, упоминаются в кавычках и „вольные казаки“. А ну, думаю, как попали они сюда? Начинаю читать и дохожу: ... „А вольные казаки призывают к уходу от русского народа, в виду наличия в нем „воровской“ стихии. Последнее в достаточной степени комично: ведь современные т. н. „вольные казаки“, являются, как раз духовными наследниками тех „воровских казаков“, с которыми в течении XVI и XVII в.в. вело борьбу не только Московское Правительство, но и „Вольное Донское Казачество“...

Так, так!.. Комично вам, господа Пушкиревы, от того, что „вольные казаки“ указывают, ссылаясь на ваши же утверждения, о наличии в русском народе „воровской стихии“. А казакам, наоборот, печально и даже очень, что вы сваливаете свою русскую воровскую стихию с вашей большой головы на здоровую казачью.

Я помню и знаю, что еще в 1917 году у нас на Кубани, после объявления „свободы“, первыми проявили свою воровскую стихию вы — русские. „Благодарили“ нас, „так называемых“ ныне „вольных казаков“, за нашу хлеб соль расстрелами, грабежами. Это проявилось у вас первых, а у нас, казаков, был порядок, уважение друг к другу, стремление как либо без крови установить наш казачий „воровской“ быт и порядок. Тот порядок, от которого и вы, „земская Русь“, восхищались, бежав от своих братьев к нам. Мы же, так называемые вами „наследники воровских казаков“, приютили вас, накормили, обули, одели и свободно жить вам разрешили. Но, врожденная в вас „воровская стихия“ заворовшилась в вас и вы „Русь земская“, доказали скоро, чем платила свинья дубу. Вы начали разрушать, совместно с нашими „вождями“, которым так ловко привили в Москве вашу воровскую стихию, созданный нами, „наследниками воровских казаков“, с такими жертвами порядок и не как либо, а опять насилием и расстрелами.

А теперь, когда вольные казаки предупреждают казаков о вашем же отзыве о своем русском народе, как об имеющем „воровскую стихию“, вам „комично“ показалось. А мне казаку, не до комизма. Ваш народ (большевики) разорил всех казаков, обобрали, разграбил, в тундрах и лесах голодом морят, а вы, „земская Русь“, прибыв к нам, в Казакии Край, с голой душой, тоже обирали и продавали жертвуемый нашими отцами хлеб. Вы обмундировывали себя, а нас, казаков, кукишем угощали. Голых держали, когда были дома, а тут, на Лемносе, в Болгарии и Сербии, когда нам, казакам, нельзя было забирать из дому одежку, вы, „земская Русь“, в это время спекулировали этим, краденым у нас, обмундированием, — казенным-де. Вы, ни „Русь земская“, ни „Русь воровская“ — одна от другой на отсчете, далеко не откатывается друг от друга. Только зря задираетесь. Сами же признаете, что „большевики делают русское дело“, которое поставлено на грабеже и убийстве казаков и других окраинных народов. Вот недавно „Возрождение“, орган „земской Руси“, отмечало о восстаниях в четырех казачьих станицах и ссылке 15000 казаков. Почему они восстали? Да не в терпение от вашего же русского воровства, грабежа, насилия, т. е. от „воровской стихии“.

Как присмотришься, подумаешь про все, что видел своими глазами, то самое твердое убеждение создается, что в казачьем народе „воровская стихия“ отсутствует и вольные казаки никак не похожи на „воровских людей“, безрелигиозных, аморальных, антинациональных, безгосударственных, а наоборот, религия, казачья национальность, мораль и государственность ими ценятся прежде всего.

Вы, русские, думаете так, что кто по вашему не молится, тот вор и разбойник, а по вере русской для вас и магометане, и буддисты, и католики — все антихристы, басурманы, дьяволы... А мы, казаки, нашедшие приют у последователей этих „страшных“ религий, можем констатировать, что самые подлинные антихристы это вы — русские. Вы первые начали обращать храмы

Божьи в конюшни, в синема, и проводить все это силой оружия...

Не отрицайте, г. г. из „земской Руси“, печального исторического факта в вашем народе и не перекидывайте своих грехов к нам, вольным казакам, ибо у нас на первом месте религия, нация, мораль и порядок. Посмотрите без предвзятости на отдел: „Казачья эмиграция“. Вольные казаки и в церковь ходят, молебны и панихиды служат, Богу молятся. Вольные казаки и мораль, и религиозность проявляют выше всего, а не „воровскую стихию“.

А мы, казаки, пойдем же наконец, чем и кем считают нас русские историки и смелее будем давать отпор таким „комичным“ выпадам по адресу В. К. и будем разрушать их попытки переложить ответственность на нас, вольных казаков, за русские грабежи и убийства, практикуемые русскими людьми на нашей казачьей земле.

Казак П. Сотников.

Что думают о нас русские.

М. Г., г-н Редактор!

Не откажите поместить настоящее мое письмо на страницах журнала „ВК“.

Дорогие братья! Наше вольно-казачье движение не дает спокойно спать русским эмигрантам в Бельгии. Знают они, что наша цель — освобождение наших Краев из под власти красных оккупантов и восстановление самостоятельного государства Казаккии. Им, русским, досадно и до тошноты противно наше намерение вырвать из невыносимых мук своих близких и взять у мучителей то добро, которое они силою отняли у наших родных. Они, русские, и слушать не хотят о том, что мы, казаки, стремимся избавиться от большевизмской власти.

Считаем мы, считают и русские, что „большевики наши общие враги“. Следовательно, раз большевики наши общие враги, то не может быть и речи о том, что мы, казаки, поступаем неправильно по отношению к большевикам.

Стремясь к самостоятельной жизни и отгораживаясь от советской России, мы несколько, по моему, не наносим оскорбления русской эмиграции и положительно ничего не отнимаем у ней.

И вот, что мне русские здесь говорят: 1. „Если восстановится Казаккия и возродится Россия, то мы, рус-

ские, все равно пойдем войной на Вас, казаков“, и 2. „Если Казаккии не будет, а возродится только великая Российская империя, то вольным казакам возврата нет из эмиграции.“

Такие „громкие“ и „грозные“ слова русских эмигрантов наводят меня на глубокое размышление.

Думаю, что же за причина такая, что русские люди пойдут на нас войной за то, что мы хотим жить самостоятельно от советской России? Тут, по моему мнению, выходит так: русские эмигранты, видимо, недовольны нашим поступком, этим мы как будто обижаем „общего врага“, берем у него то, что принадлежит нам. Иначе, за что же русские эмигранты собираются отомстить нам, казакам? Если не восстановится Казаккия, то нам, вольным казакам, выходит, и не показывайся домой, т. к. там будут у власти уже они, русские эмигранты, а они уж напомнят нам о том, как мы смели думать об отделении от Советской России (считай общего врага), которая распоряжалась в Казачьих Краях как у себя дома.

Русские говорили здесь раньше так: „Вешают казаков, их надо вешать и будем еще вешать“. — Опять, за что же? Да за то, что мы хотим обидеть „общего врага“ и тем дать возможность ожить своему казачьему народу.

Нет, братцы, как видно, для русских эмигрантов большевики не „общий враг“, а свои родные братья. Они собираются отомстить нам, вольным казакам, за нашу „дерзость“ как не имеющими „морального права“ поступать так с красными оккупантами.

По моему мнению, русским людям приятнее будет умереть здесь в эмиграции, чем видеть отделенными наши Казачьи Края от проклятой заразы СССР.

В заключение скажу вам, дорогие братья, что прав был ген. Богаевский, когда он сказал, что не любит нас русский народ. И он сказал просто весь русский народ, как „там“, так и здесь, в эмиграции.

Несмотря ни на какие угрозы или нападки на нас, мы должны делать свое дело, чтобы скорее спасти хоть оставшихся еще в живых, но обреченных на верную смерть своих дорогих и близких родственников.

Если наши братья узнают, что мы стремимся спасти их от гибели, то они будут иметь еще в себе силу для сопротивления от нападающего на них красного московского хама.

14-I-33. Бельгия.

Н. Боровлев.

Протест против лжи ген. Богаевского.

(Письмо в редакцию.)

В. К. Донская Селимийская Свято-Николаевская станция вполне разделяет мнение и негодование Правления О.Р.К., выраженные им в своем заявлении-протесте, помещенном в журнале „В.К.“ за № 122 на стр. 14 под заголовком „Ложь ген. Богаевского“, против письма ген. Богаевского и г. Мельникова, помещенного ими в русских парижских газетах.

Станция с своей стороны самым категорическим образом протестует против такого умышленного извращения государственных Казачьих Конституций и постановлений Войсковых Кругов и Рады в угоду русских бар, и заявляет всем и вся, что бывшие Донские вожди: ген. Богаевский и г. Мельников не есть уже выражители мнения всего Казачества, ибо: 1. Ген. А. Богаевский был избран Донским Атаманом в 1919 г. сроком на 3 года; 2. не действует согласно Донской Конституции и постановлений Донских Войсковых Кругов и 3. да уж и сам по себе не соответствует духу времени, которому Казачество, как здесь, в эмиграции сущее, так и дома находящееся, держится и которого желает, и просит Вас, господин Председатель Центрального Правления В.К., поместить настоящее наше заявление-протест в редактируемом Вами журнале „В.К.“, а также и там, где следует, чтобы иностранцы узнали всю действительность о Казачестве и о бывших вождах (ген. А. Богаевском и г. Н. Мельникове) и оценили бы их по достоинству их.

Бывшие Атаманы, как Донской, Кубанский и Терский, так и других Войск, могли бы и сейчас почитать-ся Атаманами, хотя бы казаков эмигрантов, если бы они были выразителями их желаний. А чтобы быть выразителями их желаний, нужно бы было в своих действиях руководствоваться государственными Казачьими Конституциями и постановлениями Войсковых Кругов и Рады и, кроме того, по временам собирать эмигрантские казачьи с'езды, которые бы в своих постановлениях давали бы точку опоры и направление пути действий своим Атаманам и Правительствам, которые и должны бы держаться этих своего рода законов в своих действиях, конечно, чисто эмигрантских, ибо по приходе домой, в свои Края, там уже будут действовать законно-избранные Войсковые Круги, Рада.

У наших же бывших Атаманов: Дон., Куб. и Тер. получилось как раз обратно; выйдя из своих Краев, они стали своего рода самодержавными царьками в своих действиях и направлениях, прикрывшись, конечно, союзом О.С.Д.К. и Т., в который вошли и Председатели Правительств названных Войск, в сущности не имеющие никакой власти, но всецело зависящие от Атаманов (ибо назначаются и сменяются последними) а потому и поступающие им в угоду. Нам же, казакам, приказали молчать...

Нет, г.г. бывшие Атаманы, молчать мы не наме-

рены, а будем говорить и даже кричать всем и вся о Вашем самодержавии и о наших желаниях.

Слова бывш. Атамана ген. Богаевского в его письме к казакам, что „не занимайтесь, казаки, политикой, а предоставьте нам, „старшим“, заниматься ею“ не отвечают жизни, ибо ген. Богаевский и др. „старшие“ не дают нам „младшим“ средства на пропитание, а каждый из нас сам должен стараться приобрести себе хлеб насущный на завтрашний день, да еще и от нас же просят эти „старшие“ собрать 12.000 фр. и выкупить их. Как же его (хлеб) нам приобретать, мы думаем, каждый из нас уже хорошо знает, ибо он, кормилец, достается в немилой чужбине с большим трудом, хитростью и изворотливостью. В виду этой трудности в жизни каждому приходится заниматься саморазвитием и самообразованием, а, значит, и политикой, ибо тяжесть настоящей жизни не раз уже заставляла каждого из нас призадуматься над действительностью и заглянуть в прошлое, и извесить все, как и почему так получилось, что мы оказались белыми рабами в чужих государствах... И вот тут то и является со всей

очевидностью абсурд и никчемность слов, заповеданных нам ген. Богаевским.

Нам не только нужно „сметь свое суждение иметь“, а и нужно, если доступно, читать все газеты, журналы и листки, от кого бы то они не исходили, разбираться в них хорошенько, и где придется найти казачью правду и справедливость, того берега и держаться; если возможно, нужно ходить на всякие лекции и доклады, словом поучаться везде и во всем, ибо жизнь, что ни час, то труднее становится; малоопытных же и слабых жизнь не щадит; замеченных в несправедливостях действий вождей и начальников сейчас же нужно выводить на чистую воду, ибо молчание есть знак согласия.

Станица надеется, что и все в.-к. организации и отдельные казаки последуют примеру О. Р. К. и нашему и тем самым окажут большую услугу общему казачьему делу.

Подписали: Станичный Атаман М. К. Туроверов.

Помощник Атамана М. Н. Гусаков.

Писарь И. Д. Кузнецов.

18/II-1933 г. Гор. Е.-Джумая.

Протест

против большевистских зверств.

Мы, казаки разных казачьих Войск, собравшись 15-2-33 г. в гор. Сосновицах в Польше, выражаем свое негодование и возмущение по поводу насилия над Казачеством в наших Краях, которое творится безнаказанно уже несколько лет большевистской властью.

Мы обращаемся ко всему культурному миру и призываем его на защиту Казачества, призываем помочь нам вырвать из неволи наши Казачьи Земли, встать за права наших братьев, истязаемых в тюрьмах, в Сибири, расстреливаемых, душимых газами и уничтожаемых всеми способами.

Мы хотим своим криком обратить внимание всех на систематическое уничтожение казачьего населения и на его отчаянную борьбу за право жить. Нашим же тиранам заявляем: Нет, не гнется казачья сила! Знайте, пока жив хоть один казак, — не задумано стремление к свободе, не умерло, не погибло Казачество!

Подписали: Журкин, (В. В. Д.), Груздов З. (Тер. В.), Ляшко А. (Куб. В.), Камышников М. (В. В. Д.), Голблауб А. (Тавр. губ.), за неграмотного В. Елецкого подписал А. Ляшко.

Калмыцкая национально политическая группа „Хальмак Тангчин Тук“ поздравляет всех калмыков с праздником „Цаган“.

На 25 сего февраля припадает этот величайший религиозно-символический праздник буддийского мира. Уже много тысяч лет этот день духовно встряхивает весь буддийский мир от берегов Тихого океана, отрогов Алтая, Тибета и до степей Дона.

Вечно вертящееся колесо истории при одном из своих вращений временно выбросило и нас, часть Калмыцкого народа, из пределов родины и вот уже двенадцать лет льются цаганские молитвы и песни в государствах Западной Европы.

12-й раз открывая свой праздник на чужбине в положении и состоянии бездомных скитальцев, пусть наши братья вспомнят, что в этот день они духовно объединяются в молитве о „счастье и благополучии“ всех шести видов земных существ и в праздновании символа победы добра над злом со всем великим буддийским миром. Пусть это сознание нашей принадлежности к этому великому миру служит всем

нам моральным утешением в настоящие черные дни.

Поздравляя своих братьев с нашим праздником, просим верить в лучшее будущее, помня, что торжество зла не бывает прочно и продолжительно.

Зная, что окруженный чуждым морем и оставленный в одиночестве перед могущими возникнуть вокруг нас грозными событиями наш маленький народ попадает под угрозу еще большего ухудшения положения или, может, полной физической смерти, мы (Хальмак Тангчин Тук) зовем своих братьев помнить о наших исторических друзьях и союзниках, каковыми мы с полным основанием считаем Казачество, которое ныне одинаково с нами обездолено нашим общим утеснителем.

В тяжелые положения попадали многие народы, но только те из них выходили из положения, которые активно искали этого выхода.

Президиум „ХТТ“.

По поводу одного „письма от повстанца с Кубани“.

В январском номере „К. К.“ напечатано „Письмо от повстанца с Кубани“, писанное 10 января с. г. и отправленное оттуда „из одного из приморских городов Юга России“.

Хорошее письмо. Для ген. Науменко даже очень выгодное. Но, по нашему, авторы этого письма не все хорошо продумали. Например, такое выражение: ... „Теперь я у К-у, козы та вівцы пасу“... может навести на всяческие размышления.

В самом деле: где же это он в январе месяце пасет коз и овец? Далее: мы, читая регулярно советские газеты (особенно Ростовские и Краснодарские), знаем хорошо, что частной собственности особенно такой, как козы и овцы, ни у кого сейчас там нет (значит, пристроиться на роль пастуха бежавшему повстанцу не у кого). Остаются совхозы и колхозы. Но, зная тамошние порядки (по той же прессе), мы сильно сомневаемся, чтобы к. н. совхоз или колхоз принял так быстро в свою среду неизвестного им человека. Не мог беглец захватить и с собою своих коз и овец, если они у него были дома...

Впрочем, все это только наши сомнения...

Казачья эмиграция.

На Большой Круг В. К. (с'езд).

Поступило: от Петра Калиты (из Франции)
26 кч. 50 г.

Выход из „Казачьего Союза“.

М. Г., господин Редактор!

Не откажите в любезности поместить настоящее заявление в уважаемом нашем журнале „В. К.“:

Мы, нижеподписавшиеся казаки — члены В. К. Донской Селимийской Свято-Николаевской станицы, вступая всей станицей вместе и с другими членами ее в семью В. К. движения 8 мая 1932 г., не сочли нужным выписаться из состава „Казачьего Союза в Париже“, ибо думали, что он (союз) умер вместе с блаженной памяти журналом „Р. К.“. Но оказывается, что он продолжает здравствовать в лице фактически пока одного проф. Маркова, вновь назначенного бывшим Донским Атаманом ген. Богаевским.

Поэтому считаем своим долгом заявить во всеулышание о том, что из числа 27 человек, вошедших в названный союз постановлением за № 1 от 27 сентября 1924 года и отмеченных в Сводке казачьего союза за № 1 за январь-февраль-март, 11 человек уже в станице не состоят и в месте расположения станицы гор. Ески-Джумая не находятся, 6 человек умерло, а именно: каз. Иван Пим. Васильев, ур. Василий Мир. Рябышев, прик. Матвей Бор. Порфенов, каз. Егор Иван. Обухов, хор. Емельян Ник. Маврин и каз. Петр Ман Текучев, — а 10 человек, — мы состоящие в настоящее время в вышеуказанной станице, настоящим выходим из состава вышеуказанного союза в Париже и лишаем права быть нашим представителем в союзе бывшего Донского Атамана ген. Богаевского по доверенности за № 2 от 27 сентября 1924 г., как не разделяющие мнения и направления возглавителей союза и их действий в нем в отношении Казачества.

Этим же заявлением доводим и до сведения вновь назначенного председателя союза г. А. Маркова и бывшего Донского Атамана ген. Богаевского.

Настоящим предлагаем всем в. к., которые в вышеуказанном союзе состоят, выписаться из него, дабы впредь нашими именами не злоупотребляли лица вроде г. г. Н. Мельникова и А. Маркова в угоду себе и их пославших. 18-11-1933 г. № 1 гор. Ески-Джумая.

Подписали: *И. Д. Кузнецов*. Неграмотные казаки: *Евпатий Лазаревич Филатов и Федор Пертович Филиппов*. За них и за себя расписались: *Иван Лысов, А. Логачев, М. Гусаков, Иосиф Ф. Сватенков, Т. Панин, К. Дмитриев, Федор Пимонов*.

В Белграде.

На очередном собрании Белградской Общеказачьей Студенческой станицы 7 февраля П. С. Поляковым был сделан доклад на тему:

„Контр-революция и Казачество в период
1917—1918—1919 г. г.“

Красиво изложенный обширный материал основан на записках Деникина и Врангеля. Докладчик разобрал ход государственной жизни на Кубани и совершенно ясно изложил многолюдному собранию судьбу Кубанского Народного Представительства и его борьбу с диктаторством Добровольцев.

Доклад длился около двух часов. Казаки с большим вниманием выслушали П. С. Полякова и по окончании доклада благодарили его и станицу. Здесь же несколькими казаками было заявлено, что „желательно почаще вас, г. г. студенты, посещать и узнавать то, чего мы до сего дня не знали“.

Перед тем, как закрыть заседание, председательствовавший, атаман Студ. станицы Н. Ф. Букин, обратился к казакам со следующими словами:

— Дорогие станичники! Последнее время к нам, студентам, из провинции поступают просьбы от станичников — приехать к ним для бесед о жизни казачьей

по историческим данным. Мы всегда с великим удовольствием уделим этому святому общему делу несколько времени и, безусловно, поедем к своим братьям-казакам, жаждающим слышать родное слово красивого своего прошлого. Вы понимаете — с каким удовольствием живущие где нибудь в глуши казаки послушают странички своей истории. Остановка в поездке — за деньгами. А т. к. у нас, лично, средств на это нет, то казаки сами обещают нам на билет деньги прислать. По той причине, что в некоторых местах живут небольшие группы казаков да к тому же материально необеспеченные, зачастую на билет может не хватать а потому я обращаюсь к вам, дорогие станичники, с просьбой — помочь нам в этом деле: кто сколько может — пожертвуйте на нашу просветительную казачью работу. Много мы жертвовали чужим, зачастую не в наших интересах; для своего же дела не пожалеем динар-два. Каждый жертвующий сделает великое дело. Своєю лептой он поддержит морально и духовно своего истрадавшегося по родине брата казака...

После Н. Ф. Букина казак И. М. Булатецкий обратился с своей стороны к станичникам помочь студентам и, сняв папаху, положил в нее серебрянные 50 динар, сверх которых, обойдя в круговую, удалось собрать еще 100 (сто) динар.

П. С. Поляков предложил из собранных денег 50 динар отослать нуждающемуся ген. П. И. Кокунько. Предложение единодушно принято. Деньги переданы по назначению.

Долго еще после доклада казаки оставались в помещении студ. ст-цы, вспоминая свое прошлое боевое время, когда приходилось бороться на два фронта: и с красными, и с белыми, неся этим самым незаметно ущерб для самих себя.

12 февраля Студенческой станицей было устроено торжественное заседание памяти погибших Атаманов и казаков за свободу казачьего народа.

Станичное помещение было украшено громадным портретом первого Донского Избранника А. М. Каледина, над головой которого продолговатой розеткой был растянут Донской флаг; сбоку, пониже, изображение Донского Атамана К. А. Булакина в последний момент перед смертью с пистолетом в руке. (Это громадная картина, сделанная руками Б. А. Кундрюкова из кусочков цветного дерева разных сортов).

Здесь же во всю стену был растянут флаг Казакции и знамя Булавинской станицы Дон. Кад. Корпуса.

Атаман Б. О.-К. С. С. Н. Ф. Букин в 5 ч. вечера открыл заседание и произнес речь, в которой объяснил, почему мы чествуем своих Атаманов и казаков, погибших за Казачество. В своей речи Н. Ф. Букин упомянул всех Атаманов, оставивших на страницах казачьей истории пример любви к Свободе и Казачеству, в хронологическом порядке на протяжении всего времени существования казачьего народа.

По окончании своей речи Н. Ф. Букин предложил аудитории почтить память положивших душу свою за други своя вставанием. Присутствующие поднялись, благоговейно склонили головы, перекрестились и сказали: „Вечная память“...

П. С. Поляков в говорил об идеале правды. „... Казачество всегда было носителем Правды и Справедливости, боролось за них и будет бороться с полной уверенностью, что в конце концов победит. „Да здравствует Казачество!“

После своей речи П. С. Поляков предложил присутствующим пропеть казачьи гимны. Все встали и с воодушевлением пропели гимны.

Г. С. Козлов говорил о долге зарубежного казака перед родиной. „... Предкам нашим, отдавшим жизнь свою за благо казачьего народа, общими силами мы должны вернуть покой освобождением Казачьих Земель“.

После этого с большим вниманием аудитория прослушала поэму „Галина Булавина“, прочитанную са-

ним автором П. С. Поляковым и вызвавшую бурю аплодисментов.

А. П. Черный своей чарующей музыкой и песней с его неразлучным другом — бандурой перенес дружную казацкую семью в глубокую казацкую старину. С великим удовлетворением, всегда, на всех в-казацких собраниях, казаки слушают своего певца. Печать полной преданности всему казацкому ложится на лица казаков, превращающихся в сплошное внимание при исполнении старинных казацких песен, где тоска по воле сквозит на каждом шагу.

По окончании программы, Н. Ф. Букин благодарил казаков за посещение станицы и за участие в поминовении погибших верных сынов Казачества.

Среди присутствующих были: Атаман Белградской имени Кошевого Атамана Сидора Билого станицы П. И. Курганский и ст. писарь Г. Д. Шелесг; Голова Украинской Громады в Белграде пан Зиверт и секретарь Громады пан Андриевский. (Соб. кор.).

В Гренобле.

5-го февраля в г. Гренобле состоялся доклад, организованный Вольно-Казацкой станицей им. полк. Манганова в Гренобле. На многолюдном собрании присутствовали казаки Дона, Кубани, Украинцы и Калмыки; много было приезжих из окрестностей Гренобля, Риуперу и Бренью.

Первым выступал председатель Союза вольных казаков в г. Лионе С. С. Настоящев, который в содержательном часовом докладе обрисовал положение и стремление Казачества в революцию 1917 года и до настоящего времени. Присутствовавшие выслушали доклад со вниманием и наградили докладчика дружными аплодисментами.

Вторым говорил представитель журнала „В. К.“ в г. Лионе А. К. Ленивов о международном положении и казацком вопросе. С присущим ему мастерством, он обрисовал международное положение и достижения В. К. Докладчик сумел захватить аудиторию, которая с неослабевающим вниманием выслушала докладчика и долго несмолкаемыми аплодисментами благодарила его.

На вопросы, заданные: председателем Укр. Громады в Гренобле Вонарха-Варнаком: Может ли В. К. в борьбе за свою самостоятельность получить поддержку из-за границы? и украинцем Козельским: не думает ли докладчик, что необходимо дипломатическим путем добиваться освобождения Казачества, чтобы при случае можно было добиться свободы так, как добились Эстония, Латвия и Литва? — Докладчик ответил, что необходимые меры предприняты, чтобы Казачество в надлежащий момент могло получить реальную поддержку извне... Равно прилагаются все усилия, чтобы дипломатическим путем сделать максимум возможного...

С возражениями никто не выступал.

Присутствовавшие едино-неделимцы от выступлений воздержались. Закрывая собрание, атаман станицы г-н Грошев благодарил всех за посещение и докладчиков за доклады и выразил надежду, что в скором времени мы снова будем иметь счастье видеть их среди себя...

8 февраля 1933. Гренобль.

(Соб. кор.)

В Ломе.

31 января с. г. Ломская вольно-казацкая станица произвела перевыборы своей администрации. Избранными оказались: атаманом — А. Попов, помощником — Н. Егоров, казначеем — Е. Зятин, писарем — А. Шляхонин. В ревизионную комиссию: Ф. Забазнов, В. Юров и Г. Боровков.

В К а з а к и и.

По советским газетам.

В „Молоте“ от 1 февраля на „Черной доске“ стоят станицы: Незамаевская, Уманская, Ладжская, Старо-Деревяновская, Ново-Деревяновская, Мешковская, Старо-Шербиновская, Боковская и Платнирская. К 14 февраля список этот дополнился станицами: Темижбекской и Шкуринской.

Общее впечатление от „Молота“: на первом месте — борьба за семена для весеннего сева.

„Тревога“ за колхозное хозяйство. За большевистские неудачи расплачивается „кулак“, т. е. все тот же казак. Требования оккупантов настолько велики, что население не в состоянии их выполнить даже под коммунистическим террором. Станичные коммунисты „не оправдывают уже доверия“ городских московских коммунистов. Отсюда — „чистка“.

К сожалению, нам не удалось достать еще „М“ за январь, в которых есть подробности выселения, кроме Полтавской (переименованной ныне в Красноармейскую), Медведовской, Урупской и Уманской.

Для характеристики положения там, приводим ниже ряд вырезок из „М“.

От 2 февраля: „Матвеев-Курган“. Полтора месяца тому назад Матвеево-Курганский район выполнил план хлебозаготовок и дал сверх плана 500 центнеров, став в шеренгу передовых районов края. Но завершив хлебозаготовки, район отдался во власть самотека и передышки, чем воспользовался классовый враг.

За месяц семян заготовлено менее 2-х процентов. Истекшая пятидневка по району дала 156 центнеров пшеницы и 16 центнеров кукурузы. Заготовленные семена разворовываются. Ячменя разранжирено и разворовано 80 центнеров...

„Камениск ая: Районное руководство срывает подготовку к весеннему севу. Райком партии не пошел дальше вынесения резолюций. Посевной комитет числится на бумаге, не руководит подготовкой к весне.

Некоторые руководящие районные работники заня-

ли оппортунистическую, кулацкую линию на сокращение посевной площади яровых, в частности, колосовых культур. Возглавляет ее председатель райисполкома Келюх. Райисполком, в порядке „уточнения“ посевных площадей, отказывается засеять 19 тысяч гектар, считая, что КрайЗу дало преувеличенное задание району. Председатель Келюх прямо заявляет:

— Я не буду доводить краевого плана до советов и колхозов, хотя бы это пахло большими последствиями“...

„Ейск: 29-го января по всему Ейскому району не засыпано ни одного килограмма семян. Руководители ряда сел, узнав, что край выполнил план хлебозаготовок, совершенно демобилизовались.

В станице Камышевской председатель стансовета Юрюмов, вместе с уполномоченным райкома Миньковым, с головой погрязли в заседательской суетне, а практическая работа по сбору семян не развернута.

В этой станице колхозный актив направляли искать хлеб в старых ямах. Конечно ничего не нашли. После этого успокоились. А в это время из амбаров третьего колхоза украли последние три пуда семян“.

3 февраля в „М“ помещен доклад тов. Шеболдаева («сведению „русских казаков“»: Шеболдаев — это не псевдоним, а настоящая русская „братская“ фамилия) „об итогах осенних сельско-хозяйственных работ, хлебозаготовок и о задачах весеннего сева“, из которого можно, хотя и с трудом, кое что вычитать.

Напр.: ... „мы переоценили колхозную форму, на примерах передовых колхозов, переоценили общую массу колхозов. И это для нас, для Крайкома нашло свое выражение в том, что мы пытались все задачи укрепления колхозов, повышения производительности труда, улучшения работы и т. д. разрешить только с точки зрения усиления материальной заинтересованности колхозов, несколько забывали, несколько отодвинули на второй план другие рычаги, другие возможности нашего руководства колхозами. Именно, в результате этого, мы недостаточно решительно, недостаточно креп-

ко боролись и с расхищением хлеба, с растаскиванием его, недооценили борьбу за общественную собственность. С этим же связана переоценка колхозной формы... Мы, надо прямо сказать, недоглядели той засоренности, которая имеется в наших колхозах и совхозах, запоздали со вскрытием, а следовательно и с борьбой с тем саботажем, который организовали против нас кулачество, белогвардейщина, буржуазная интеллигенция“...

Или: ... „Теперь я перейду к нашим местным организациям. Я не буду говорить о том огромном сопротивлении, которое оказывали наши низовые организации делу хлебозаготовок с начала кампании, которые во многих случаях всемерно боролись за снижение плана, прямо возглавляли саботаж. Я не буду брать того состояния местных организаций, которое вскрылось и на совещаниях секретарей РК в ноябре м-це, и в начале нашего наступления на кулацкий саботаж: огромное сопротивление хлебозаготовкам, широкое распространение влияния кулацких настроений в наших организациях“...

Читайте, казаки, и делайте выводы. Напр. (все из того же доклада):

„Можем ли мы сказать, что мы добились такой передвижки сил, которая обеспечила ликвидацию кулацкого саботажа везде и всюду и окончательно? Конечно, нет. Выполнив план хлебозаготовок, мы добились первых успехов в борьбе с саботажем. Но не везде мы сломали саботаж, мы, его, безусловно, еще не ликвидировали полностью. Мы не добились еще такого положения, чтобы станица, колхоз действительно перестроились так, как это нам нужно для разрешения задач весеннего сева.“

При этом я хочу сделать одну оговорку. Мы все время говорим о саботаже, организованном кулачеством на Кубани. И наши донские, ставропольские работники и работники нацобластей думают: ну, это на Кубани такая напасть — кулацкий саботаж, а у нас, слава богу, все спокойно. И в Ремонтненском районе хорошо, хлеба достаточно, и в Цымле прекрасно, — и вообще беспокоиться, дескать, нечего.

Надо вам доложить, что весь опыт, вся практика показывают, что элементы этого саботажа и прямой саботаж в ряде станиц, районов и колхозов несомненно имеет место и там. Если эти товарищи сейчас не поработают над сломом этого саботажа политически и не мобилизуют масс, то к весеннему севу они не будут подготовлены, весенний сев тогда проиграют.

Наша основная и коренная задача — сломить саботаж, сломить то „не наше единство“, которое удалось кое-где сколотить кулаку, вредителям, организованной контр-революции. Мне рассказывали такой пример „единства“. В колхозе работает полеводом и членом правления белогвардеец, палач, — а бригадиром в колхозе работает красный партизан, которому этот палач выдергивал усы и бороду по одному волоску, издаваясь во время гражданской войны над пленным. И вот эти два бывших заклятых врага, теперь уживаются мирно в одном колхозе, полное „единство“: бывший партизан выполняет распоряжения этого полевода-палача, который и сейчас творит ту же контр-революцию, как и раньше. Это „единство“ надо сломить...“ (Пусть читатели не забывают, что для большевиков казачья борьба — тоже „контр-революция“, а казаки, противники большевиков, „белогвардейцы“...).

4 февраля „М.“ признается, что „нет огня борьбы за семена!“ А из передовой узнаем нечто о тамошних настроениях. Например:

„Отсюда следует с абсолютной ясностью, что самыми опасными сейчас являются элементы демобилизации, попытки „отдохнуть“, успокоиться, непонимание того, что „на Северном Кавказе мы имеем наиболее яркое выражение как саботажа, как засоренности в наших колхозах, так и прямого вредительства“...

Насколько глубоко зашла демобилизация на местах, свидетельствуют, хотя бы таковые факты, взятые из практики Армавирского района. Здесь ряд уполномоченных Райкома ВКП(б) и Райисполкома, посланных партией на борьбу за семена — бросили работу, позорно дезертировали. Например, Чапаев — уполномоченный

райсовпрофа, самовольно сбежал из станицы и устроился на работу в Армавире. Уполномоченный Райкома в селе Коноково Чистопрудов достал справку от врача и настаивает на отпуске в Армавир. В этом же селе, другой уполномоченный Волков сбежал из села, оставив наглую записку такого содержания: „С коммунистическим приветом. Я с работой не справился“...

Решающее значение имеют северные районы, особенно районы бывшего Дона, такие, как Верхне-Донской и Вешенский, которые позорно срывают мобилизацию семян и в ближайшие дни будут занесены на черную доску, если не обеспечат решительного перелома...

Мы имеем факты антигосударственных тенденций на ряде заводов, прямого буржуазного перерождения дирекции завода „Красный двигатель“ (Новороссийск)“...

Там же из корреспонденции из станиц Павловской:

„Район к первому февраля выполнил только 0,5 проц. плана сбора семян зерновых и подсолнуха. Пшеницы, которая занимает большой удельный вес в яровом клине, собрано лишь 0,4 проц.“

Преступно бездействуют решающие МТС района — Павловская, Уманская и Незамаевская...“ (МТС — машинно-тракторная станция).

„Сломить саботажное отношение к коню“. „Разгромить саботаж сбора семян пшеницы, вражью попытку организовать сокращение посевных площадей“ — приказывает „М.“ 6 февраля.

8 февраля „М.“ о положении в Усть-Лабинской партийной организации „отмечает“ „срыв выполнения планов хлебозаготовок, совершенно неудовлетворительное развертывание подготовки к весеннему севу (сбор семян, ремонт тракторов, улучшение состояния тягла) явилось результатом оппортунистической линии руководства райкома партии выразившейся в замазывании райкомом фактов прямого обмана партии и государства со стороны отдельных коммунистов и организаций, в отсутствии решительной борьбы и разоблачения кулацких махинаций и их проводников — прямых изменников партии в рядах парторганизаций (дело Райсоюза, Промкомбината и др.).“

Семейственность в руководстве и отсутствие настойчивой работы по исправлению недостатков и безобразий обнаруженных в различных звеньях парторганизаций привело к разложению ряда партийных ячеек (Ладожская, Тенгинская, Н.-Лабинская)...

9 февраля передовая „М.“ признает:

„Саботаж, организованный кулацкими контрреволюционными элементами в сборе семян, является фактом, из которого большевики Северного Кавказа обязаны немедленно сделать выводы...“

Там же сообщение: „В решающих селах Коноковской МТС, Армавирского района — Успенском и Коноковском — болтовня и предательство“...

А „саботаж в Платнировской продолжается еще с большей силой“.

В „М.“ от 11 февраля — большая статья тов. Зимина „о ходе чистки и укреплении сельской парторганизации“, из которой приводим ниже характерные отрывки:

... „Теперь я перейду к конкретным вопросам нашего руководства. Я возьму для примера один райком, одну станицу и пару колхозных ячеек.“

Беру Армавирский райком партии и его руководство. Вы знаете, что руководство Армавирского райкома партии снято с работы. Секретарь райкома Повалюхин из партии исключен...

Разрешите на примерах Армавирского района несколько остановиться...

Чистка станиц Армавирского района вскрыла безобразнейшее положение. Большинство секретарей станичных комитетов исключено из партии, как чуждые, кулацкие или белогвардейские элементы. Почти вся опора, на которую опирался райком. Вот станица Вознесенская. В парторганизации 174 человека, явилось на чистку 137, исключено 93, из них: 26 руководящих работников — секретарь станпарткома, секретари колхозных ячеек и т. д., зав. культпропом станицы был правой рукой крупнейшего белого бандита Чичепадзе и

т. д. и т. д. В трех колхозах на руководящих постах были белобандиты. В результате развал ряда колхозов, массовый „падеж“ скота, срыв выполнения плана осеннего сева и хлебозаготовки...

В Николаевской станице прошло чистку 26 человек, исключено 16, в том числе секретарь парткома, 2 секретаря колхозных, 2 предколхоза. На руководящей работе в станице и колхозах выявлено 26 бывших белых, активно организовавших саботаж в настоящее время.

Вот станица Упорная. Прошло чистку 55 чел. Исключено 44 человека, в том числе 13 руководящих работников — секретари колхозных ячеек, председатели колхозов, обнаружен 21 человек чуждых, пролезших в партию кулаков и белогвардейцев. То же самое в Урупской, где исключен весь состав станпарткома и все руководящие работники. Аналогично в станицах Мало-Минской, Успенской, Краснополисской, Убоженской, Безскорбной и друг. Наконец, в ст-це Коновской по хлебозаготовкам был прикреплен секретарь райкома партии Повалюхин. В этой станице оказалась исключительная засоренность, партсобрания посещались не больше чем 30 проц. коммунистов, партсеть совершенно сорвана, работы с беспартийным активом никакой абсолютной нет, нагрузок никаких, газеты никто не выписывает. Секретарь партколлектива беспартийный, исключенный из партии при чистке 29 года, т. е. 3 года тому назад...

Из ст. Урупской в числе около 1000 выселенных хозяйств выселенно 360 колхозников, из которых 18 имели 1—2 трудодня, а 362 хозяйства, хотя и числились колхозниками, но ни одного трудодня не имели, т. е. никакой работы в колхозе не вели...

Вот станица Прочнокопская, где имелся большой партизанский колхоз из ставропольцев. Вы знаете передовую роль ставропольцев в гражданской войне против белых. Так они не приняли никаких мер по укреплению этого колхоза после переселения ставропольцев, колхоз развалился и часть из них уехала назад.

Вот станица Челбасская Каневского района. Характер этой станицы таков, что требовалась наибольшая классовая бдительность и от местной парторганизации и от районного руководства. В годы гражданской войны 75 процентов взрослого населения станицы служило в белой армии, в 18 году станица участвовала в восстании. В течение ряда лет там организовались бандитские и белогвардейские группировки. Эта станица одна из тех, которая идет наравне с Уманской, с Полтавской. Казалось бы, что в отношении этой станицы у Каневского райкома должна была быть наибольшая бдительность. Вот некоторые показатели работы. План осеннего сева по станице сорван. Хлебозаготовки тоже. Ряд колхозов выполнили план на 50-60 проц. Трудовая дисциплина — выхода в среднем на работу составляют 30-35 проц., а в октябре даже 16-18 проц. Это в то время, когда должна была быть наибольшая труд-дисциплина на работе по уборке хлеба. Массовый падеж лошадей, злостный убой скота...

Мы имеем отдельные случаи, когда из коммунистов

и комсомольцев образуются подпольные антисоветские организации, которые пытаются гравить лучших активистов. Наиболее яркий пример — Ново-Деревянковская, черноросочная станица, Старо-Минского района. Здесь образовалась группа кулаков-бандитов, во главе с секретарем станпарткома Лифенцовым, который сознательно принимал кулаков в партию, который создал бандитскую группу, поставившую своей задачей воровство, разложение колхоза и всячески выживать и бить лучших сельских активистов и красных партизан. И добились. Они затравили выдвигенца Киричука и добились того, что он покончил самоубийством. А райком незадолго до чистки этого Лифенцова перебрал в Старо-Минскую станицу на руководящую работу.

Вот станица Терновская, Тихорецкого района — пытались затравить б. партизанку, активистку Калмыкову и даже исключили ее из партии...

Подтверждение некоторых „интересных“ вещей находим в следующей фразе из передовой „М“ 12 февраля: „Партийные и беспартийные прислужники классового врага выступают сейчас с программой срыва весенних работ в колхозе. Вот с какими неслыханными контрреволюционными лозунгами выступает враг: „На работу выходить не будем“ (станция Балковская, Тихорецкого района). „Чего вы дожидаетесь?.. Бросайте колхозы и раз'езжайтесь. Пусть останутся одни лошади, они все равно подождут“ (станция Ново-Леушковская, того же района)“...

Поправка.

В прошлом номере „В. К.“ в статье „Ложь ген. Богаевского“ следует исправить следующие опечатки: на стр. 14, правый столбец, в строке 23 сверху дату 1919 на 1918, а на стр. 15 подпись: под'ес. Киктев на: есаул Киктев.

Розыски.

Алексей Трофимович Панфилов розыскивает: Пелагею Попову, Ивана Серебрякова и сотника Леона Потаповича Заикина, все ст. Акишевской, Хоперского окр.

Иван Дм. Попов розыскивает хор. Ивана Афиногенова, ст. Андреевской, Сальского окр. Сообщить по адресу: M-eur Popoff, S-t Clement, rue Neure 2, par Sens (Jonne) France.

Подхор. Иван Дм. Кузнецов, станицы Н.-Курмоярской, розыскивает своих станичников: ген. Бородину, Сысоя Капитоновича; полк. Бояринова, Александра Ив.; каз. Комарова, Вас. Мих.; ур. Киреева, Петра Ильича; ур. Азякова, Андрея Александровича; двоюродного брата Болдырева, Александра Андреевича и других станичников, находящихся в эмиграции. Откликнуться прошу по адресу: гор. Ески-Джумая, Добруджа, кв. № 8. Bulgarie.

Вышла из печати книга:

ПЯТЬ ЛЕТ

„Вольного Казачества — Вільного Козацтва“

Сборник избранных передовых статей.

Цена книги: в ЧСР — 20 кš. Заграницу — 20 фр. фран.

Книгу „Пять лет „В. К.“ должен иметь каждый вольный казак.

Книга „Пять лет „В. К.“ будет разослана всем, внесшим уже за журнал „В. К.“ подписную плату за 1933 год, в начале марта.

Открыта подписка на 1933 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Ч. С. Р. по 100 к. ч.
за год, а за границу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.